

Преподобный Иоанн Лествичник

Лествица

Преподобный Иоанн Лествичник

Лествица

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9307310

Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица.—: Благовест; Москва; 2014

ISBN 978-5-9968-0406-1

Аннотация

В «Лествице» преподобный Иоанн показал, как шаг за шагом, ступенька за ступенькой как бы по духовной лестнице следует каждому христианину восходить к Богу. Ведь очень важно иметь твердый ориентир и вехи этого восхождения, чтобы не сбиться с пути, умело и грамотно преодолеть неизбежно возникающие на пути к Богу препятствия, всегда видеть конечную цель и методы ее достижения или хотя бы способы приближения к ней. 30 ступеней «Лествицы» учат нас бороться не только с грехами, но и с гнездящимися внутри нас страстями, воспитывают и возвращают в нас добродетели, помогают нам бороться с духовной нечистотой.

Издание рассчитано на широкий круг православных читателей.

Содержание

Предисловие книги сей, именуемой скрижали духовные	5
Краткое описание жития аввы Иоанна, игумена святой горы Синайской, прозванного схоластиком[1], поистине святого отца, составленное монахом раифским Даниилом, мужем честным и добродетельным	6
О том же авве Иоанне, игумене Синайской горы, то есть Лествичнике (Повествует один монах синайский, который был, как и Даниил Раифский, современником преподобному Иоанну.)	9
Послание святого Иоанна, игумена Раифского, к досточудному Иоанну, игумену Синайской горы	11
Ответ	12
Подвижнические слова аввы иоанна, игумена монахов синайской горы, посланные им к авве иоанну, игумену раифскому, который побудил его к сему сочинению	13
Слово 1	14
Слово 2	19
Слово 3	22
Слово 4	26
Слово 5	45
Слово 6	52
Слово 7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

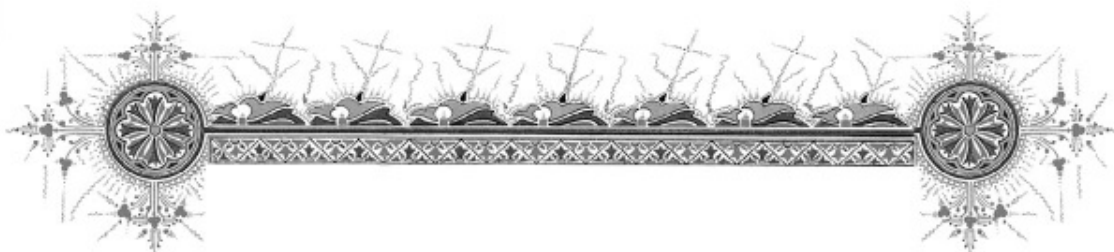

Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица.

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви
(ИС 14-404-0371)*

Печатается по изданию Козельской Введенской Оптиной Пустыни, 1908

Предисловие книги сей, именуемой скрижали духовные

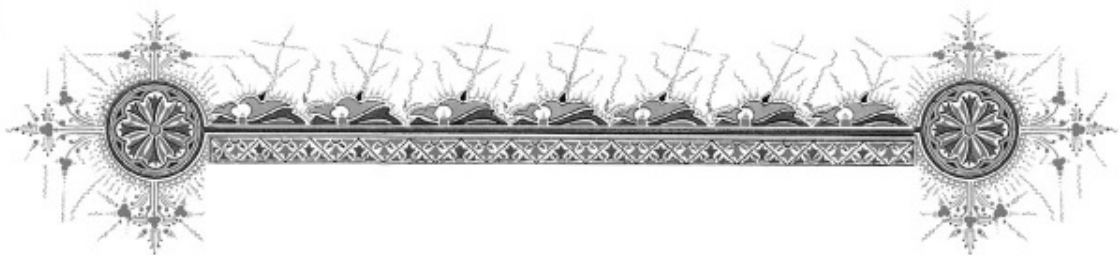

Всем, поспешающим написать имена свои в книге жизни на небесах, настоящая книга показывает превосходнейший путь. Шествуя сим путем, увидим, что она непогрешительно руководит последующих ее указаниям, сохраняет их неувязленными от всякого претыкания и представляет нам лествицу утвержденную, возводящую от земного во святая святых, на вершине которой утверждается Бог любви. Сию, думаю, лествицу видел и Иаков, запинатель страстей, когда покоился на подвижническом ложе. Но взойдем, умоляю вас, с усердием и верою, на сей умственный и небошественный восход, начало которого – отречение от земного, а конец – Бог любви.

Преподобный отец премудро рассудил, устроивши для нас восхождение, равночисленное возрасту Господнему по плоти; ибо в возрасте тридцати лет Господнего совершеннолетия гадательно изобразил лествицу, состоящую из тридцати степеней духовного совершенства, по которой, достигши полноты возраста Господня, мы явимся поистине праведными и непреклоняемыми к падению. А кто не достиг сей меры возраста, тот еще младенец и по точному свидетельству сердца окажется несовершенным. Мы признали за нужное прежде всего поместить в этой книге житие (преподобного) премудрого отца, чтобы читатели, взирая на его подвиги, удобнее поверили его учению.

**Краткое описание жития аввы Иоанна,
игумена святой горы Синайской, прозванного
схоластиком¹, поистине святого отца,
составленное монахом раифским Даниилом,
мужем честным и добродетельным**

Не могу сказать с достоверной точностью, в каком достопамятном граде родился и воспитывался сей великий муж до исшествия своего на подвиг брани, а какой град ныне покоит и нетленною пищею питает сего дивного – это мне известно. Он пребывает ныне в том граде, о котором говорит велегласный Павел, взывая: *наше житие на небесех есть* (Флп. 3, 20); невещественным чувством насыщается он блага, которым невозможно насытиться, и наслаждается невидимой добротой, духовно утешается духовным², получив воздаяния, достойные подвигов, и почесть за труды, не трудно понесенные – тамошнее наследие, и навсегда соединившись с теми, которых *нога... ста на правоте* (Пс. 25, 12). Но как сей вещественный достиг Невещественных Сил и совокупился с ними, это я постараюсь изъяснить по возможности.

Будучи шестнадцати лет телесным возрастом, совершенством же разума тысячелетен, сей блаженный принес себя самого, как некую чистую и самопроизвольную жертву, Великому Архиерею и телом взошел на Синайскую, а душой на небесную гору – с тем, думаю, намерением, чтобы от видимого сего места иметь пользу и лучшее наставление к достижению невидимого. Итак, отсеки бесчестную дерзость отшельничеством, сею обладательницею наших мысленных отроковиц³, восприяв же благолепное смиренномудрие, он при самом вступлении в подвиг весьма благоразумно отогнал от себя обольстительное самоугождение и самоверие, ибо преклонил свою выю и вверил себя искуснейшему учителю, чтобы при благонадежном его руководстве непогрешительно переплывать бурное море страстей. Умертвив себя таким образом, он имел в себе душу как бы без разума и без воли, совершенно свободную и от естественного свойства; а еще удивительнее то, что, обладая внешней мудростью, он обучался небесной простоте. Дело преславное! Ибо кичливость философии не совмещается со смирением. Потом, по прошествии девятнадцати лет, предпослав к Небесному Царю своего учителя как молитвенника и заступника, и сам он исходит на поприще безмолвия, нося сильные, на разорение твердынь, оружия – молитвы великого (своего отца); и, избрав место, удобное к подвигам уединения, в пяти стадиях от храма Господня (место это называется Фола), он провел там сорок лет в неослабных подвигах, всегда пылая горя-

¹ Схоластиком в древности назывались ритори, законоведы или вообще люди ученые.

² В славянском: «умом единым радуясь о Уме мысленно созерцаемом».

³ То есть страстей. Смотри слово 10, главу 3.

щею ревностью и огнем Божественным. Но кто может выразить словами и восхвалить сказанием труды его, там понесенные? И как явно представить всякий труд его, который был тайным сеянием? Впрочем, хотя через некоторые главные добродетели известимся о духовном богатстве сего блаженного мужа.

Он употреблял все роды пищи, без предосуждения разрешаемые иноческому званию, но вкушал весьма мало, предумро сокрушая и через это, как я думаю, рог кичливости. Итак, малоядением угнетал он госпожу оную, то есть плоть, многого похотливо желающую, голодом вопия к ней: «Молчи, престань»; тем же, что вкушал от всего понемногу, поработал он мучительство славолубия, а пустынножитием и удалением от людей утолил он пламень сей (то есть телесной) печи, так что он совсем испепелился и угас совершенно. Милостыней и скудостью во всем потребном мужественный сей подвижник мужественно избежал идолослужения, то есть сребролюбия (см. Кол. 3, 5); от ежечасной смерти душевной, то есть от уныния и расслабления, восставлял он душу, возбуждая ее памятью телесной смерти, как остном, а сплетение пристрастия и всяких чувственных помыслов разрешил невещественными узами святой печали. Мучительство гнева еще прежде было в нем умерщвлено мечом послушания, неисходным же уединением и всегдашним молчанием умертвил он пиявицу паутинного тщеславия. Что же скажу о той победе, которую сей добрый таинник одержал над осьмою отроковицей⁴? Что скажу о крайнем очищении, которое сей Веселеил послушания начал, а Владыка небесного Иерусалима, пришедши, совершил Своим присутствием, ибо без сего не может быть побежден диавол с сообразным ему полчищем? Где помещу в настоящем нашем плетении венца источник слез его (дарование не во многих обретающееся), которых тайное делателище и до ныне остается – это небольшая пещера, находящаяся у подошвы некоторой горы; она настолько отстояла от его келии и от всякого человеческого жилища, сколько нужно было для того, чтобы заградить слух от тщеславия; но к небесам она была близка рыданиями и взываниями, подобными тем, которые обыкновенно испускают пронзаемые мечами и прободаемые разжженным железом или лишаемые очей?

Сна принимал он столько, сколько необходимо было, чтобы ум не повредился от бдения; а прежде сна много молился и сочинял книги; это упражнение служило ему единственным средством против уныния. Впрочем, все течение жизни его была непрестанная молитва и пламенная любовь к Богу, ибо, день и ночь воображая Его в светлости чистоты, как в зеркале, он не хотел или, точнее сказать, не мог насытиться.

Некто из монашествующих, именем Моисей, поревновав житию Иоанна, убедительно просил его, чтобы он принял его к себе в ученики и наставил на истинное любомудрие; подвигнув старцев на ходатайство, Моисей, через их просьбы, убедил великого мужа принять себя. Некогда авва повелел сему Моисею переносить с одного места на другое землю, которой требовало удобрение гряд для зелий; достигши указанного места, Моисей без лени исполнил повеление; но как в полдень настал чрезвычайный зной (а тогда был последний летний месяц), то он уклонился под большой камень, лег и уснул. Господь же, Который ничем не хочет опечалить рабов Своих, по обычаю Своему предупреждает угрожавшее ему бедствие. Ибо великий старец, сидя в келии и размышляя о себе и о Боге, преклонился в тончайший сон и видит священнолепного мужа, который возбуждал его и, посмеяясь сну его, говорил: «Иоанн, как ты беспечно спишь, когда Моисей в опасности?» Вскочивши немедленно, Иоанн вооружился молитвой за ученика своего, и, когда тот вечером возвратился, спрашивал его, не случилась ли с ним какая-нибудь беда или нечаянность? Ученик ответил: «Огромный камень едва не раздавил меня, когда я спал под ним в полдень; но мне показалось, будто ты зовешь меня, и я вдруг выскочил из того места». Отец же, поистине сми-

⁴ То есть гордостью, которая в числе главных восьми страстей есть восьмая.

ренномудрый, ничего из видения не открыл ученику, но тайными воплями и воздыханиями любви восхвалял благого Бога.

Сей преподобный был и образцом добродетелей, и врачом, исцелившим сокровенные язвы. Некто, по имени Исаакий, будучи весьма сильно угнетаем бесом плотской похоти и уже изнемогший духом, поспешил прибегнуть к сему великому и объявил ему свою брань словами, растворенными рыданием. Дивный муж, удивляясь вере его, сказал: «Станем, друг, оба на молитву». И между тем, как молитва их кончилась, и страждущий еще лежал, повергшись ниц лицом, Бог исполнил волю раба Своего (см. Пс. 144, 19), дабы оправдать слово Давидово; и змей, мучимый биениями истинной молитвы, убежал. А недужный, увидев, что избавился от недуга, с великим удивлением воссылал благодарение Прославившему и прославленному.

Другие, напротив, подстрекаемые завистью, называли его (преподобного Иоанна) излишне говорливым и пустословом. Но он вразумил их самым делом и показал всем, что *вся может о укрепляющем всех Христе* (см. Флп. 4, 13), ибо молчал в течение целого года, так что порицатели его превратились в просителей и говорили: «Заградили мы источник приснотекущей пользы ко вреду общего всех спасения». Иоанн же, чуждый прекословия, послушался и снова начал держаться первого образа жизни.

Потом все, удивляясь преуспеянию его во всех добродетелях, как бы новоявленного Моисея, поневоле возвели его на игуменство братии и, возвысивши сей светильник на свещник начальства, добрые избиратели не погрешили, ибо Иоанн приблизился к таинственной горе, вшедши во мрак, куда не входят непосвященные; и, возводимый по духовным степеням, принял богоначертанное законоположение и видение. Слову Божию отверз уста свои, привлек Духа, отрыгнул слово и из благого сокровища сердца своего изнес слова благие. Он достиг конца видимого жития в наставлении новых Израильтян, т.е. иноков, тем одним отличаясь от Моисея, что вошел в горный Иерусалим, а Моисей, не знаю как, не достиг земного.

Дух Святой говорил его устами; свидетелями этому служат многие из тех, которые спаслись и донныне спасаются через него. Превосходным свидетелем премудрости сего премудрого и подаваемого им спасения был новый оный Давид⁵. Свидетелем того же был и добрый Иоанн, преподобный наш пастырь (раифский игумен). Он и убедил сего нового боговидца усиленными своими просьбами для пользы братий сойти помышлением с горы Синайской и показать нам свои богописанные скрижали, в которых наружно содержится руководство деятельное, а внутренно – созерцательное⁶. Таким описанием покусился я в немногих словах заключить многое, ибо краткость слова имеет красоту и в искусстве витийства (а)⁷.

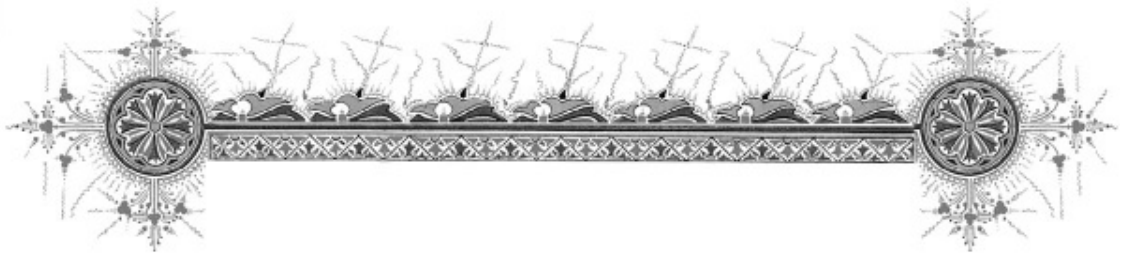

⁵ Полагают, что новым Давидом назван здесь вышеупомянутый Исаакий.

⁶ Т.е. в «Лестнице» внешние слова поучают деятельности, а внутренний духовный разум наставляет к видению.

⁷ Примечания, на которые указывают буквы в скобках, смотри в конце книги, после Слова к пастырю (со стр. 484).

О том же авве Иоанне, игумене Синайской горы, то есть Лествичнике (Повествует один монах синайский, который был, как и Даниил Раифский, современником преподобному Иоанну.)

Некогда авва Мартирий пришел с аввой Иоанном к Анастасию Великому; и сей, взглянув на них, говорит авве Мартирию: «Скажи, авва Мартирий, откуда этот отрок и кто постриг его?» Тот отвечал: «Он раб твой, отче, и я постриг его». Анастасий говорит ему: «О, авва Мартирий, кто бы подумал, что ты постриг игумена синайского?» И святой муж не погрешил: по прошествии сорока лет Иоанн сделан был нашим игуменом.

В другое время авва Мартирий, также взяв с собой Иоанна, пошел к великому Иоанну Савваиту, пребывавшему тогда в пустыне Гуддийской. Увидев их, старец встал, налил воды, умыл ноги авве Иоанну и облобызал его руку; авве же Мартирию ног не умывал и потом, когда ученик его Стефан спросил, почему он так поступил, отвечал ему: «Поверь мне, чадо, я не знаю, кто этот отрок, но я принял игумена синайского и умыл ноги игумену».

В день пострижения аввы Иоанна (а он постригся на двадцатом году своей жизни) авва Стратигий предсказал о нем, что он будет некогда великой звездой.

В тот самый день, когда поставили Иоанна нашим игуменом и когда сошлось к нам около шестисот посетителей и все они сидели, вкушая пищу, Иоанн видел мужа с короткими волосами, одетого по-иудейски в плащаницу, который, как некий распорядитель, ходил повсюду и раздавал приказания поварам, экономам, келарям и прочим служителям. Когда те люди разошлись и служители сели за трапезу, искали сего, повсюду ходившего и раздававшего приказания, но нигде не нашли. Тогда раб Божий, преподобный отец наш Иоанн, говорит нам: «Оставьте его, господин Моисей ничего не сделал странного, послужив в своем месте».

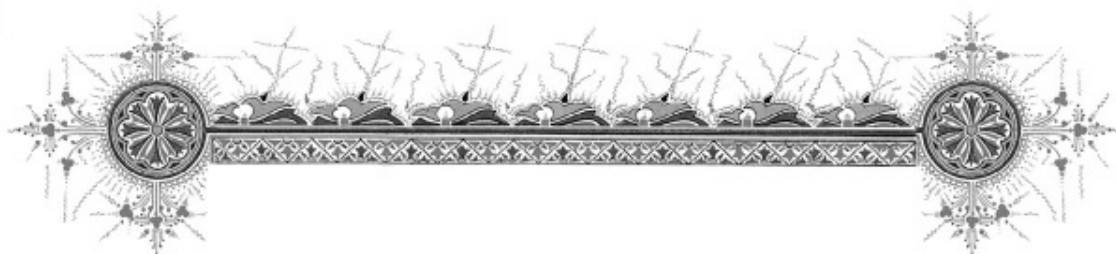
Некогда в палестинских странах было бездожие; авва Иоанн по прошению тамошних жителей помолился, и сошел обильный дождь.

И нет ничего тут невероятного; ибо *волю боящихся Его сотворит Господь и молитву их услышит* (Пс. 144, 19).

Надобно знать, что Иоанн Лествичник имел родного брата, чудного авву Георгия, которого он еще при жизни своей поставил в Синае игуменом, сам любя безмолвие, которое и сначала уневестил себе сей премудрый. Когда же Моисей этот, преподобный игумен наш Иоанн, отходил ко Господу, тогда авва Георгий, брат его, стоял перед ним и говорил со слезами: «Итак, ты оставляешь меня и отходишь; я молился, чтобы ты проводил меня, ибо я не возмогу без тебя, господине мой, руководить сию дружину; но теперь мне должно проводить тебя». Авва Иоанн сказал ему на это: «Не скорби и не заботься: если буду иметь дерзновение ко Господу, то не оставлю тебя провести здесь и один год после меня». Что и сбылось, ибо в десятый месяц потом отошел и сей ко Господу (б).

Послание святого Иоанна, игумена Раифского, к досточудному Иоанну, игумену Синайской горы

Вышестественному и равноангельному отцу отцов и превосходнейшему учителю грешный раифский игумен желает радоваться о Господе.

Зная прежде всего беспрекословное твое о Господе послушание, украшенное, впрочем, и всеми добродетелями, и в особенности там, где надлежит умножить данный тебе от Бога талант, мы, убогие, употребляем поистине убогое и недостаточное слово, припоминая сказанное в Писании: *вопроси отца своего, и возвестит тебе, старцы твои, и рекут тебе* (Втор. 32, 7). И потому, припадая к тебе, как к общему всех отцу и старшему в подвижничестве, сильнейшему в быстротии и превосходнейшему учителю, сим писанием нашим молим тебя, о, глава добродетелей, преподай нам, невежественным, то, что ты видел в боговидении, как древний Моисей, и на той же горе, и изложи это в книге, как на богописанных скрижалях, в назидание новых израильтян, т.е. людей новоисшедших из мысленного Египта и из моря житейского. И как ты в оном море вместо жезла богоглаголивый языком твоим при содействии Божиим чудодействовал, то и ныне, не презирая нашего прошения, благоволи о Господе для спасения нашего благорассудительно и неленостно начертать законы, собственные и приличные монашескому житию, будучи поистине великим наставником всех начавших такое ангельское жительство. Не подумай, будто слова наши происходят от лести или ласкательства: тебе, о священная глава, известно, что мы чужды таких действий, но в чем все уверены, что вне всякого сомнения, видимо всеми и о чем все свидетельствуют, то и мы повторяем. Итак, надеемся о Господе скоро получить и облобызать ожидаемые нами драгоценные на скрижалях оных начертания, которые могут служить непогрешительным наставлением для истинных последователей Христовых, – и, как *лествица*, утвержденная даже до небесных врат (см. Быт. 28, 12), возводит произволяющих, чтобы они безвредно, безбедственно и невозбранно проходили полчища духов злобы, миродержателей тьмы и князей воздушных. Ибо если Иаков, пастырь бессловесных овец, видел на лестнице такое страшное видение, то тем более предводитель словесных агнцев не только видением, но и делом и истиной⁸ может показать всем непогрешительный восход к Богу. Здравствуй о Господе, честнейший отче!

⁸ То есть не только представлением образной лестницы оной в видении, но и самых добродетелей, степенями ее изображаемых, опытным и истинным описанием.

Ответ

Иоанн Иоанну желает радоваться

Получил я воистину достойное высокого и бесстрастного жития твоего и чистого и смиренного твоего сердца, посланное тобой к нам, нищим и убогим в добродетелях, честное твое писание или, лучше сказать, заповедь и повеление, превосходящее нашу крепость. Так, это поистине тебе и твоей священной душе свойственно просить поучительного слова и наставления у нас, необученных и невежественных делом и словом, ибо она привыкла всегда показывать нам в себе образец смиренномудрия. Впрочем, скажу и я теперь, что если бы мы не боялись впасть в великую беду отвержением от себя святого ига послушания, матери всех добродетелей, то и не дерзнули бы безрассудно на предприятие, превосходящее нашу силу.

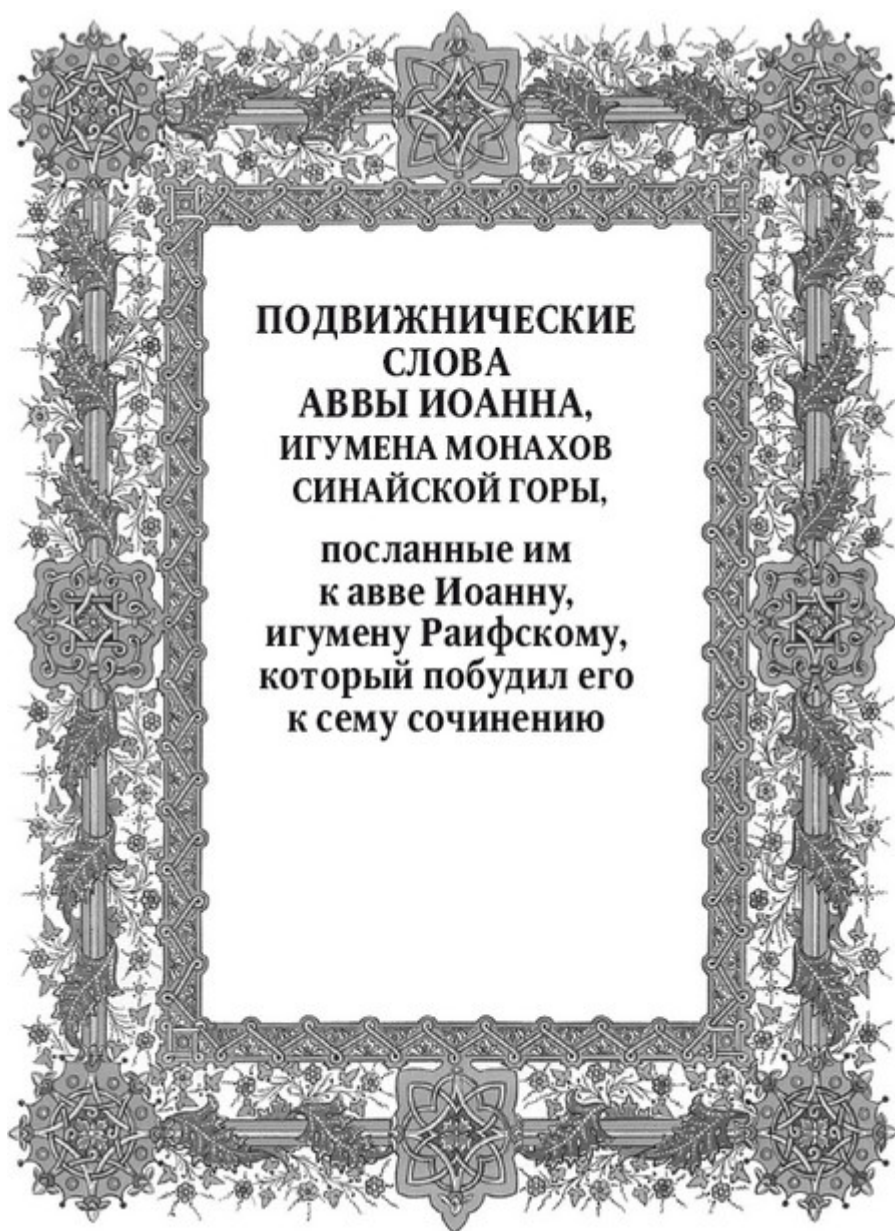
Тебе, дивный отче, следовало бы, спрашивая о таких предметах, научиться от мужей, хорошо познавших это, ибо мы находимся еще в разряде учащихся. Но как богоносные отцы наши и тайноучители истинного познания определяют, что послушание есть несомненная покорность повелевающим и в тех делах, которые превышают нашу силу, то мы, благочестно презревши нашу немощь, смиренно покусились на труд, превосходящий нашу меру; хотя и не думаем принести тебе какую-нибудь пользу или объяснить нечно такое, что и ты, священная глава, знаешь не меньше нас. Ибо не только я уверен, но и всякий, думаю, из здравомыслящих знает, что око ума твоего чисто от всякого земного и мрачного возмущения мрачных страстей и невозбранно взирает на Божественный свет и озаряется им.

Но, боясь смерти, рождающейся от преслушания, и как бы движимый сею боязнью на послушание, приступил я к исполнению всечестного повеления твоего со страхом и любовью, как искренний послушник и непотребный раб превосходнейшего живописца, и при скудном моем знании и недостаточном выражении, одним только чернилом однообразно начертав живые слова, предоставляю тебе, начальник учителей и чинов начальник, все это украсить, уяснить и как исполнителю скрижалей и закона духовного недостаточное восполнить. И не к тебе посылаю сей труд – нет, это было бы знаком крайнего неразумия, ибо ты силен о Господе не только иных, но и нас самих утверждать в божественных нравах и учениях, но к богозванной дружине братий, которые вместе с нами учатся у тебя, о, избранный учитель! К ним-то через тебя начинаю сие слово их и твоими молитвами, как бы некими водами надежды будучи подъемлем, при всей тяжести невежества простираю ветрило трости и со всяким молением предаю кормило слова нашего в руки доброму нашему сокорм-чому. Притом прошу всех читающих: если кто здесь усмотрит нечто полезное, то плод всего такого, как благоразумный, да приписывает великому наставнику нашему, а нам да просит воздаяния у Бога за сей слабый труд, не на бедность сочинения (поистине всякой неопытности исполненного) взирая, но принимая намерение приносящего, как вдовичье приношение⁹, ибо Бог воздает награду не множеству даров и трудов, но множеству усердия.

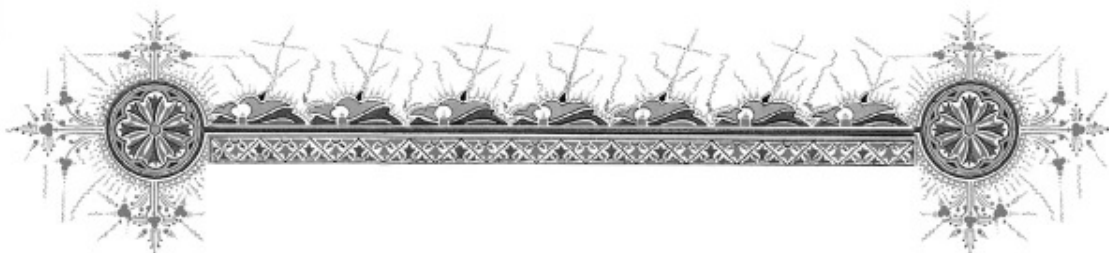
⁹ У Паисия Величковского: «вдовическое предложение».

**Подвижнические слова аввы иоанна,
игумена монахов синайской горы, посланные
им к авве иоанну, игумену раифскому,
который побудил его к сему сочинению**

Слово 1

Об отречении от жития мирского

1. Из всех, созданных благим и преблагим и всеблагим Богом нашим и Царем (ибо слово к рабам Божиим прилично и начать от Бога) разумных и достоинством самовластия почтенных существ, одни суть други Его, другие – истинные рабы, иные – рабы непотребные, иные совсем чужды Его, а другие, наконец, хотя и немощны, однако противятся Ему. И други Его, о, священный отче, как мы, скудоумные, полагаем, суть собственно умные и бестелесные существа, Его окружающие; истинные рабы Его – все те, которые неленостно и неослабно исполняют волю Его, и непотребные – те, которые, хотя и удостоились крещения, но обетов, данных при оном, не сохранили как должно. Под именем чуждых Бога и врагов Его следует разуметь неверных или зловерных (еретиков); а противники Богу суть те, кои не только повеления Господня сами не приняли и отвергли, но и сильно вооружаются против исполняющих оное.

2. Каждое из сказанных состояний требует особенного и приличного слова; но для нас, невежд, в настоящем случае бесполезно излагать это пространно. Итак, поспешим теперь исполнить повеление истинных рабов Божиих, которые благочестиво нас понудили и верой своей убедили; в несомненном¹⁰ послушании прострем недостойную нашу руку и, принявши трость слова от их же разума, омочим в темновидное, но светящееся смиренномудрие; и на гладких и чистых сердцах их, как на некоторой бумаге или, лучше сказать, на духовных скрижалях, станем живописать божественные слова или, вернее, божественные семена, и начнем так:

3. Всех одаренных свободной волей Бог есть и жизнь, и спасение всех, верных и неверных, праведных и неправедных, благочестивых и нечестивых, бесстрастных и страстных, монахов и мирских, мудрых и простых, здравых и немощных, юных и престарелых; так как все без изъятия пользуются изливанием света, сиянием солнца и переменами воздуха; *нестъ* бо лицепрятия у *Бога* (Рим. 2, 11).

4. Нечестивый есть разумное и смертное создание, произвольно удаляющееся от жизни оной (Бога) и о Творце своем присносущем помышляющее, как о несуществующем. Законопреступник есть тот, кто закон Божий содержит по своему злоумию и думает веру в Бога совместить с ересью противной. Христианин есть тот, кто, сколько возможно человеку, подражает Христу словами, делами и помышлениями, право и непорочно веруя во Святую Троицу. Боголюбец есть тот, кто пользуется всем естественным и безгрешным и по силе своей старается делать добро. Воздержник – тот, кто посреди искушений, сетей и молвы всей силой ревнует подражать нравам свободного от всего такого. Монах есть тот, кто, будучи облечен в вещественное и бренное тело, подражает жизни и состоянию бесплотных. Монах есть тот, кто держится одних только Божиих словес и заповедей во всяком времени и месте, и деле.

¹⁰ В непрекословном.

Монах есть всегдашнее понуждение естества и неослабное хранение чувств. Монах есть тот, у кого тело очищенное, чистые уста и ум просвещенный. Монах есть тот, кто, скорбя и болезнуя душой, всегда памятует и размышляет о смерти, и во сне, и во бдении. Отречение от мира есть произвольная ненависть к веществу, похваляемому мирскими, и отвержение естества, для получения тех благ, которые превыше естества.

5. Все, усердно оставившие житейское, без сомнения, сделали это или ради будущего царствия, или по множеству грехов своих, или из любви к Богу. Если же они не имели ни одного из сих намерений, то удаление их из мира было безрассудное. Впрочем, добрый наш Подвигоположник ожидает, каков будет конец их течения.

6. Исшедший из мира для того, чтобы избавиться от бремени грехов своих, да подражает тем, которые сидят над гробами вне города, и да не престаёт изливать теплые и горячие слезы, и да не прерывает безгласных рыданий сердца до тех пор, пока и он не увидит Иисуса, пришедшего и отвалившего от сердца камень ожесточения, и ум наш, как Лазаря, от уз греховных разрешившего, и повелевшего слугам Своим, ангелам: *разрешите его* от страстей *и оставите его ути* (Ин. 11, 44) к блаженному бесстрастию. Если же не так, то (от удаления из мира) не будет ему никакой пользы.

7. Когда хотим выйти из Египта и бежать от Фараона, то и мы имеем необходимую нужду в некоем Моисее, т.е. ходатае к Богу и по Боге, который, стоя посреди деяния и видения, воздевал бы за нас руки к Богу, чтобы наставляемые им перешли море грехов и победили Амалика страстей. Итак, прельстились те, которые, возложив упование на самих себя¹¹, сочли, что не имеют нужды ни в каком путеводителе, ибо исшедшие из Египта имели наставником Моисея, а избежавшие из Содомы – ангела. И одни из них, т.е. исшедшие из Египта, подобны тем, которые с помощью врачей исцеляют душевные страсти, а другие подобны желающим совлечься нечистоты окаяннотого тела, потому они и требуют помощника – ангела, т.е. равноангельного мужа, ибо по гнилости ран потребен для нас и врач весьма искусный.

8. Покусившимся с телом взойти на небо поистине потребны крайнее понуждение и непрестанные скорби, особенно в самом начале отречения, доколе сластолюбивый наш нрав и бесчувственное сердце истинным плачем не претворятся в боголюбие и чистоту. Ибо труд, поистине труд и большая сокровенная горесть неизбежны в сем подвиге, особенно для нерадивых, доколе ум наш, сей яростный и сластолюбивый пес, через простоту, глубокое безгневие и прилежание не сделается целомудренным и люборассмотрительным. Впрочем, будем благодущны, страстные и изнемогающие; немощь нашу и душевное бессилие несомненной верой, как десной рукой, представляя и исповедуя Христу, непременно получим помощь Его, даже сверх нашего достоинства, если только всегда будем низводить себя в глубину смиренного мудрия.

9. Всем приступающим к сему доброму подвигу, жестокому и тесному, но и легкому, должно знать, что они пришли ввергнуться в огонь, если только хотят, чтобы в них вселился невещественный огонь. Посему каждый да искушает себя и потом уже от хлеба жития иноческого, который с горьким зелием, да яст, и от чаши сей, которая со слезами, да пьет: да не в суд себе воинствует. Если не всякий, кто крестился, спасется, то... умолчу о последующем.

10. Приходящие к сему подвигу должны всего отречься, все презирать, всему посмеяться, все отвергнуть, чтобы положить им твердое основание. Благое же основание, трехстое или трехстолпное, составляют незлобие, пост и целомудрие. Все младенцы во Христе да начинают с этих добродетелей, принимая в пример чувственных младенцев, у которых никогда ничего нет злобного, ничего льстивого; нет у них ни алчности неутолимой, ни насытного чрева, ни телесного разжжения: оно появляется уже впоследствии, с возрастом, и может быть по умножении пищи.

¹¹ У Паисия Величковского: «самех себе предательствующии».

11. Поистине достойно ненависти и бедственно, когда борющийся при самом вступлении в борьбу ослабевает, показывая этим верный признак близкого своего побеждения. От твердого начала, без сомнения, будет нам польза, если бы мы впоследствии и ослабели, ибо душа, бывшая прежде мужественной и ослабевши, воспоминанием прежней ревности, как острым орудием, бывает возбуждаема, посему многократно некоторые воздвигали себя таким образом (от расслабления).

12. Когда душа, предательствуя сама себя, погубит блаженную и возделенную теплоту, тогда пусть исследует прилежно, по какой причине она ее лишилась, и на эту причину да обратит весь труд свой и все прилежание, ибо прежнюю теплоту нельзя иначе возвратить, как теми же дверьми, которыми она вышла.

13. Отрекшийся от мира из страха подобен фимиаму, который сперва благоухает, а после оканчивается дымом. Оставивший мир ради воздаяния подобен мельничному жернову, который всегда одинаково движется. А исшедший из мира по любви к Богу в самом начале приобретает *огонь*, который, быв ввержен в вещество, вскоре возжжет сильный пожар.

14. Некоторые кладут в строение кирпич поверх камня, другие утвердили столбы на земле, а иные, пройдя небольшую часть пути и разогрев жилы и члены, потом шли быстрее. Разумеющий да разумеет, что значит это гадательное слово (а).

15. Как позванные Богом и Царем усердно устремимся в путь, дабы нам, маловременным на земле, в день смерти не явиться бесплодными и не погибнуть от голода. Благоугодим Господу, как воины угождают Царю, ибо, вступивши в это звание, мы подлежим строгому ответу о служении. Убоимся Господа хотя так, как боимся зверей: ибо я видел людей, шедших красть, которые Бога не убоялись, а услышав там лай собак, тотчас возвратились назад, и чего не сделал страх Божий, то успел сделать страх зверей. Возлюбим Господа хотя так, как любим и почитаем друзей: ибо я много раз видел людей, прогневавших Бога и нисколько о том не заботившихся, но те же самые, какою-нибудь малостью огорчив своих друзей, употребляли все искусство, выдумывали всякие способы, всячески изъясляли им свою скорбь и свое раскаяние, и лично, и через иных, друзей и родственников, приносили извинения и посылали оскорбленным подарки, чтобы только возвратить прежнюю их любовь.

16. В самом начале отречения, без сомнения, с трудом, понуждением и горестью исполняем добродетели; но, преуспевши, перестаем ощущать в них скорбь или ощущаем, но мало; а когда плотское мудрование наше будет побеждено и пленено усердием, тогда совершаем их уже со всякой радостью и ревностью, с возделением и божественным пламенем.

17. Сколько похвальны те, которые с самого начала со всей радостью и усердием совершают заповеди, столько достойны жалости те, которые, долго пребывая в иноческом обучении, еще с трудом совершают, хотя и совершают, подвиги добродетелей.

18. Не будем презирать или осуждать и такие отречения, которые бывают по обстоятельствам; ибо я видел бывших в бегстве, которые, нечаянно встретившись с царем, против своего желания пошли вслед его и, вшедши с ним в чертог, воссели вместе с ним за трапезу. Видел я, что семя, нечаянно упавшее на землю, принесло изобильный и прекрасный плод, как и противное сему случается. Опять видел я человека, который пришел во врачебницу не за тем, чтобы лечиться, а по некоторой другой потребности, но, привлеченный и удержанный ласковым приемом врача, он освободился от мрака, лежавшего на его очах. Таким образом, и невольное в некоторых было тверже и надежнее, чем произвольное в других.

19. Никто не должен, выставя тяжесть и множество грехов своих, называть себя недостойным монашеского обета и ради своего сладострастия мнимо унижать себя, вымышляя извинения в грехах своих (см. Пс. 140, 4); ибо где много гнилости, там нужно и сильное врачевание, которое очистило бы скверну, а здоровые не поступают в больницу.

20. Если бы земной царь позвал нас и пожелал бы нас поставить в служение пред лицом своим, мы не стали бы медлить, не извинялись бы, но, оставив все, усердно поспешили бы к нему. Будем же внимать себе, чтобы, когда Царь царствующих, и Господь господствующих, и Бог богов зовет нас к небесному сему чину, не отказаться по лености и малодушию и на великом Суде Его не явиться безответными. Может ходить и тот, кто связан узами житейских дел и попечений, но неудобно, ибо часто и те ходят, у которых железные оковы на ногах, но они много претыкаются и получают от этого язвы. Человек неженатый, а только делами связанный в мире, подобен имеющему оковы на одних руках, а потому, когда он ни пожелает, может невозбранно прибегнуть к монашескому житию; женатый же подобен имеющему оковы и на руках и на ногах.

21. Некоторые люди, нерадиво живущие в мире, спросили меня, говоря: «Как мы, живя с женами и оплетаясь мирскими попечениями, можем подражать житию монашескому?» Я отвечал им: «Все доброе, что только можете делать, делайте; никого не укоряйте, не окрадывайте, никому не лгите, ни перед кем не возноситесь, ни к кому не имейте ненависти, не оставляйте церковных собраний, к нуждающимся будьте милосердны, никого не соблазняйте, не касайтесь чужой части¹² и будьте довольны оброки жен ваших. Если так будете поступать, то не далеко будете от Царствия Небесного».

22. С радостью и страхом приступим к доброму сему подвигу; не будем бояться врагов наших, ибо они взирают на лицо нашей души, хотя сами и невидимы; и когда заметят, что оно изменилось от боязни, тогда сии коварные яростнее вооружаются против нас, зная, что мы утрастились. Итак, вооружимся против них благодушно, ибо с мужественным борцом никто бороться не смеет.

23. Господь по особенному промыслу Своему облегчил брань для новоначальных, чтобы они при самом начале не возвратились тотчас же в мир. Итак, радуйтесь всегда о Господе, все рабы Божии, видя в этом первый знак любви Господней к вам, и что Он Сам вас призвал. Впрочем, знаем, что Бог часто и другим образом поступает, т.е. когда Он видит мужественные души, то с самого начала попускает на них брани, желая их скоро увенчать. Но от живущих в мире Господь утаил неудобство или, лучше сказать, удобство сего поприща, ибо если бы они это знали, то никто не отрекался бы от мира.

24. Усердно приноси Христу труды юности твоей и возрадуешься о богатстве бесстрастия в старости, ибо собираемое в юности питает и утешает изнемогших в старости. Юные! Потрудимся ревностно, потечем трезвенно, ибо смерть неизвестна. Мы имеем врагов лукавых и злых, коварных, пронырливых, державших огонь в руках и желающих сжечь храм Божий тем самым пламенем, который в нем¹³, врагов сильных и никогда не спящих, невещественных и невидимых. Итак, никто из юных не должен слушать враждебных бесов, когда они внушают ему, говоря: «Не изнуряй своего тела, чтобы не впасть в болезнь и немощи». Ибо едва ли найдется кто-нибудь, особенно в настоящем роде, решившийся умертвить свое тело, хотя иной и лишает себя многих и сладких яств; намерение же бесов в этом случае состоит в том, чтобы и само вступление наше в подвиг сделать слабым и нерадивым, а потом и конец сообразным началу.

25. Желющие истинно работать Христу прежде всего да приложат старание, чтобы при помощи духовных отцов и собственным рассуждением избрать себе приличные места и образы жизни, пути и обучения, ибо не для всех полезно общежитие по причине сластолюбия, и не все способны к безмолвию по причине гнева (б), но каждому должно рассматривать, какой путь соответствует его качествам.

¹² В старославянском переводе: «Не прикасайтесь к чужому ложу».

¹³ Т.е. пламенем собственных его страстей.

26. Все житие монашеское содержится в трех главных устройствах и образах подвига: или в подвижническом уединении и отшельничестве; или в том, чтобы безмолствовать с одним и, много, с двумя; или, наконец, в том, чтобы терпеливо пребывать в общежитии. *Не уклонися*, – говорит Екклесиаст, – *ни на десно, ниже на шуе* (Притч. 4, 27), но путем царским иди. Средний из этих образов жизни многим приличен, ибо тот же Екклесиаст говорит: *горе... единому*, ибо если он *падет* в уныние, или в сонливость, или в леность, или в отчаяние, то нет человека *воздвигнути его* (Еккл. 4, 10). *А идежде еста два или трие собрани во имя мое, ту есмь посреде их*, – сказал Господь (Мф. 18, 20).

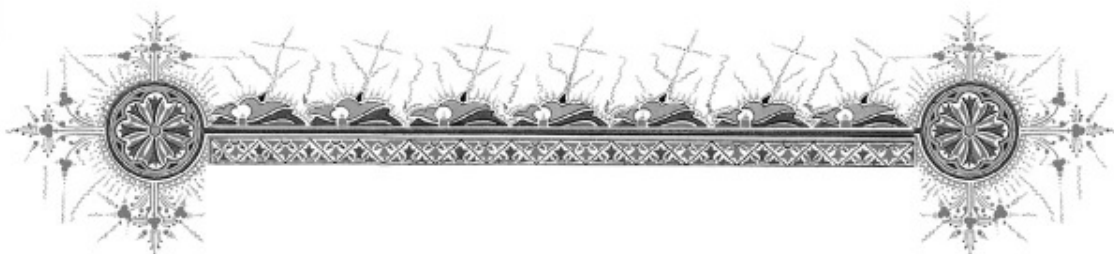
27. Итак, кто есть инок верный и мудрый? – Кто горячность свою сохранил неугасимой и даже до конца жизни своей не переставал всякий день прилагать огонь к огню, горячность к горячности, усердие к усердию и желание к желанию.

Первая степень. Вступивший в нее, не обращай вспять.

Слово 2

О беспристрастии, то есть отложении попечений и печали о мире

1. Кто истинно возлюбил Господа, кто истинно желает и ищет будущего Царствия, кто имеет истинную скорбь о грехах своих, кто поистине стяжал память о вечном мучении и Страшном Суде, кто истинно страшится своего исхода из сей жизни, тот не возлюбит уже ничего временного, уже не позаботится и не попечется ни об имениях и приобретениях, ни о родителях, ни о славе мира сего, ни о друзьях, ни о братьях – словом, ни о чем земном, но, отложив все мирское и всякое о нем попечение, еще же – и прежде всего – возненавидев самую плоть свою, наг и без попечений и лености последует Христу, непрестанно взирая на небо и оттуда ожидая себе помощи, по слову святого, сказавшего: *Прильпе душа моя по Тебе* (Пс. 62, 9), и по изречению иного приснопамятного: *Аз же не утрудихся, Тебе... последуй, и дне, или покоя, человека не пожелах*, Господи (Иер. 17, 16).

2. Великий стыд нам, оставившим все вышеозначенное, после призвания, которым Господь, а не человек, нас позвал, заботиться о чем-нибудь таком, что не может принести нам пользы во время великой нашей нужды, то есть во время исхода души. Сие-то значит, как Господь сказал, обратиться вспять и не быть управлену в Царствие Небесное. Господь наш, зная удобопоползновенность нашу в новоначалии и что мы, живя и обращаясь с мирскими, легко можем опять возвратиться в мир, сказавшему: *повели мне пойти погребсти отца моего*, – говорит: *остави мертвые погребсти своя мертвецы* (Лк. 9, 59–60).

3. Бесы по отречении нашем от мира внушают нам ублажать милостивых и сострадательных из мирян, а себя окаывать, как лишивших себя таковых добродетелей. Намерение же сих врагов наших то, чтобы через ложное смирение или в мир возвратить нас, или, если останемся в монашестве, низринуть нас в отчаяние. Иное дело – по высокомерию своему уничтожать живущих в мире, а иное – в удалении от них охуждать их, с тем чтобы избежать отчаяния и стяжать надежду спасения.

4. Итак, услышим, что Господь сказал юноше оному, по-видимому исполнившему все заповеди: *единого тебе недостает, продать имение и раздать нищим* (см. Лк. 18, 22) и самого себя сделать нищим, приемлющим милостыню от других.

5. Все, желающие с пламенным усердием проходить подвиг (иночества), рассмотрим внимательно, как Господь всех пребывающих в мире и живых назвал мертвыми, сказав некоему: *оставь мертвым, то есть мирянам, умершим в суете мирской, погребать мертвых телом* (см. Лк. 9, 60). Богатство нисколько не препятствовало оному юноше приступить ко крещению. Посему напрасно некоторые думают, что Господь ради крещения повелевал ему продать богатство. Этого свидетельства Христова да будет довольно для совершенного уверения нас в величайшей славе монашеского звания.

6. Должно исследовать, почему живущие в мире и пребывающие во бдениях, в постах и злострадании, когда по удалении из мира приступают к монашескому житию, как к месту испытания и подвижническому поприщу, не проходят уже прежнего своего подвига, ложного и притворного. Видел я весьма многие и различные растения добродетелей, насаждаемые мирскими людьми и как бы от подземного стока нечистоты напаяемые тщеславием, окапываемые самохвалством и утучняемые навозом похвал; но они скоро засохли, когда были пересажены на землю пустую, недоступную для мирских людей и не имеющую смрадной влаги тщеславия, ибо любящие влагу растения не могут приносить плода в сухих и безводных местах.

7. Если кто возненавидел мир, тот избежал печали. Если же кто имеет пристрастие к чему-либо видимому, то еще не избавился от нее, ибо как не опечалиться, лишившись любимой вещи? Хотя во всем нужно нам иметь великое трезвение, но прежде прочего должно в этом отношении наиболее быть разумно внимательными. Я видал многих в мире, которые через попечения, заботы, занятия и бдения телесные избегали неистовства своего тела, но, вступивши в монашество и обеспеченные здесь по всему, жалким образом осквернялись от плотского движения¹⁴.

8. Будем внимать себе, чтобы, думая идти узким и тесным путем, в самом деле не блуждать по пространному и широкому. Узкий путь будет тебе показан утеснением чрева, всенощным стоянием, умеренным питием воды, скудостью хлеба, очистительным питием бесчестия, принятием укоризн, осмеяний, ругательств, отсечением своей воли, терпением оскорблений, безропотным перенесением презрения и тяготы досаждений: когда будешь обижен – терпеть мужественно, когда на тебя клеветают – не негодовать, когда уничижают – не гневаться, когда осуждают – смиряться. Блаженны ходящие стезями показанного здесь пути, *яко тех есть Царство Небесное* (Мф. 5, 3–12).

9. Никто увенчанным не войдет в небесный чертог, если не совершит первого, второго и третьего отречения. Первое есть отречение от всех вещей, и человеков, и родителей, второе есть отречение своей воли, а третье – отвержение тщеславия, которое следует за послушанием. *Изыдите от среды их, и отлучитесь... и нечистоте мира не прикасайтесь... глаголет Господь* (2 Кор. 6, 17). Ибо кто из мирян сотворил когда-нибудь чудеса? Кто воскресил мертвых? Кто изгнал бесов? Никто. Все это – победные почести иноков, и мир не может вместить оных; если же бы мог, то к чему было бы монашество и удаление из мира?

10. Когда бесы по отречении нашем начнут распалать наше сердце воспоминанием о родителях и сродниках наших, тогда вооружимся против них молитвой и воспламеним себя памятью о вечном огне, чтобы воспоминанием об оном угасить безвременный огонь нашего сердца.

11. Если кто думает, что не имеет пристрастия к какой-нибудь вещи, а лишившись ее, печалится сердцем, то вполне прельщает самого себя.

12. Юные, расположенные к плотской любви и чревоугождению, если захотят вступить в монашество, должны обучать себя в нем со всяким трезвением и вниманием и понуждать себя удаляться от всякого наслаждения и лукавства, чтобы последнее не было для них горше первого. Сие пристанище бывает причиной и спасения, и бед; это знают преплывающие сие мысленное море. Но жалкое зрелище, когда спасшиеся в пучине претерпевают потопление в самом пристанище.

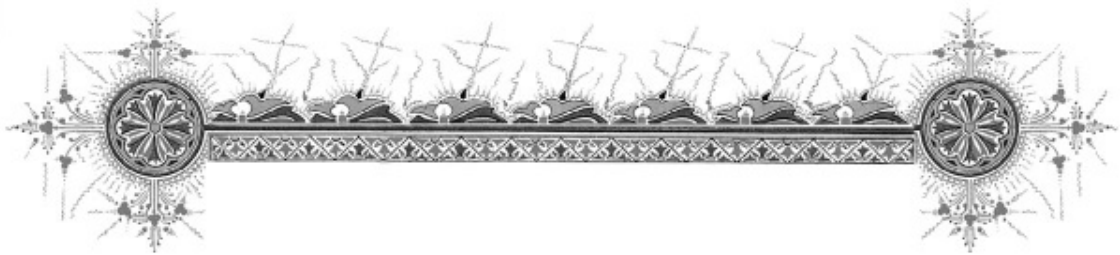
Степень вторая. Текущий да бежит, подражая Лоту, а не жене его.

¹⁴ Потому что не имели приличного труда и должного охранения.

Слово 3

О странничестве, то есть уклонении от мира

1. Странничество есть невозвратное оставление всего, что в отечестве сопротивляется нам в стремлении к благочестию. Странничество есть дерзновенный нрав, неведомая премудрость, необъявляемое знание, утаиваемая жизнь, невидимое намерение, необнаруживаемый помысл, хотение уничижения, желание тесноты, путь к Божественному вожделению, обилие любви, отречение от тщеславия, молчания глубины.

2. Вначале обыкновенно, как бы огнем Божественным, сильно и продолжительно беспокоит любителей Господних помысл об удалении от своих, желанием худости и тесноты побуждающий к оному любителей такового добра. Но сколь велик и достохвален сей подвиг, столь великого и рассуждения требует, ибо не всякое странничество, предпринимаемое в крайней степени, есть добро¹⁵.

3. Если всякий пророк *без чести* в своем отечестве – как сказал Господь, – то должно остерегаться, чтобы уклонение от мира не было нам поводом к тщеславию. Ибо странничество есть отлучение от всего с тем намерением, чтобы сделать мысль свою неразлучной с Богом. Странник есть любитель и делатель непрестанного плача. Странник есть тот, кто избегает всякой привязанности, как к родным, так и к чужим.

4. Поспешая к жизни уединенной, или странничеству, не дожидайся миролюбивых душ, ибо тать приходит нечаянно. Многие, покусившись спасти вместе с собой нерадивых и ленивых, и сами вместе с ними погибли, когда огонь ревности их угас со временем. Ощувивши пламень, беги, ибо не знаешь, когда он угаснет и оставит тебя во тьме. О спасении других не все подлежим ответу, ибо божественный апостол говорит: *Темже убо кийждо нас, братие, о себе слово даст Богу. И опять: научая инаго, себе ли не учиши?* (Рим. 2, 21). Как бы сказал: все ли должны мы пещись о других, не знаю – о самих же себе всячески должны мы заботиться.

5. Странничествуя, остерегайся праздносчитающегося и сластолюбивого беса, ибо странничество дает уму повод искушать нас.

6. Хорошо беспристрастие, а мать его есть уклонение от мира. Устранившийся всего ради Господа не должен уже иметь никакой связи с миром. Дабы не оказалось, что он сжимается для удовлетворения своим страстям.

7. Устранившись мира, не прикасайся к нему более, ибо страсти удобно опять возвращаются.

8. Ева невольно изгоняется из рая, монах же добровольно выходит из своего отечества, ибо та снова пожелала бы вкусить от древа преслушания, а сей непременно подвергся бы беде от сродников по плоти.

¹⁵ Или потому, что предпринимается самонадеянно и дерзновенно, или выше сил и возможности.

9. Тех мест, которые подают тебе случай к падению, убегай как бича, ибо когда мы не видим запрещенного плода, то не так сильно его и желаем.

10. Да не скроется от тебя и следующая хитрость и лесть невидимых врагов: они советуют нам не отлучаться от мирских, внушая, что мы получим великую награду, если, видя женский пол, будем себя удерживать. Но не должно им в этом покоряться, а делать противное их внушению.

11. Когда мы, на год или на несколько лет удалившись от своих родных, приобретем малое некоторое благоговение, или умиление, или воздержание, тогда суетные помыслы, приступивши, побуждают нас опять идти в отечество для назидания, говорят, и примеры и пользы многих, видевших некогда наши незаконные дела; а если мы еще богаты даром слова и имеем сколько-нибудь духовного разума, тогда уже как спасителям душ и учителям советуют они нам возвратиться в мир, с тем чтобы мы благополучно собранное в пристанище бедственно расточили в пучине. Постараемся подражать Лоту, а не жене его, ибо душа, обратившись туда, откуда вышла, уподобится соли, потерявшей силу, и сделается неподвижной. Беги из Египта невозвратно, ибо сердца, обратившиеся к нему, не увидели Иерусалима, т.е. земли бесстрастия. Хотя тем, которые в начале ради младенченственности духовной оставили своих и успели совершенно очиститься, и можно с пользой возвратиться к ним в том намерении, чтобы, как сами спаслись, так спасти и некоторых из ближних; впрочем Моисей Боговидец и Самим Богом посланный на спасение единоплеменного рода претерпел многие беды в Египте, т.е. помрачения в мире.

12. Лучше оскорбить родителей, нежели Господа, потому что Сей и создал, и спас нас, а те часто погубляли своих возлюбленных и подвергали их вечной муке.

13. Странник тот, кто везде с разумом пребывает, иноязычный среди иноязычного народа. Мы удаляемся от близких наших или от мест не по ненависти к ним (да не будет сего), но избегая вреда, который можем от них получить. Как во всех благих делах, так и в сем, учителем нашим есть Сам Христос, ибо видим, что и Он многократно оставлял родителей по плоти, и, когда некоторые сказали: *мати Твоя и братия Твоя... ищут Тебе* (Мк. 3, 32), – благий наш Господь и Учитель тотчас показал бесстрастную ненависть к ним, сказавши: *мати моя и братия моя суть творящие волю Отца моего, Иже есть на небесех* (Мф. 12, 49).

14. Да будет отцом твоим тот, кто может и хочет потрудиться с тобой для свержения бремени твоих грехов, а матерью – умиление, которое может омыть тебя от скверны; братом – сотрудник и соревнитель в стремлении к горнему; сожительницу неразлучную стяжи память смерти; любезными чадами твоими да будут сердечные воздыхания; рабом да будет тебе тело твое, а друзей приобретай в небесных Силах, которые во время исхода души могут быть полезными для тебя, если будут твоими друзьями. *Сей есть род* (т.е. сродство) *ищущих Господа* (Пс. 23, 6).

15. Любовь Божия угащает любовь к родителям, а кто говорит, что он имеет ту и другую, обманывает сам себя, ибо сказано: *никтоже может двема господинома работати* (Мф. 6, 24), и проч. *Не приидох*, – говорит Господь, – *мир вовреци на землю* (Мф. 10, 34), т.е. мир между родителями и их сынами и братьями, желающими Мне работать, но брань и меч, чтобы боголюбивых отлучить от миролюбивых, вещественных от невещественных (плотских от духовных), славлюбивых от смиренномудрых, ибо Господь веселится о разделении и разлучении, бывающем из любви к Нему.

16. Берегись, берегись, чтобы за пристрастие к возлюбленным тобой родственникам все у тебя не явилось как бы объатым водами и чтобы ты не погиб в потоке миролюбия. Не склоняйся на слезы родителей и друзей; в противном случае будешь вечно плакать. Когда родственники окружают тебя, как пчелы или, лучше сказать, как осы, оплакивая тебя, тогда немедленно обрати душевные очи твои на смерть и на дела (твои), чтобы тебе можно было отразить одну скорбь другой. Сии наши или, лучше, – не наши лукаво обещаются сделать

для нас все, что мы любим; намерение же их то, чтобы воспрепятствовать доброму нашему стремлению, а потом уже привлечь нас к своей цели.

17. Удаляясь от мира, мы должны избирать для жительства места, лишённые случаев к утешению и тщеславию и смиренные; если же не так, то мы действуем по страсти.

18. Утаивай благородство свое и не величайся своей знатностью, чтобы не оказался ты один на словах, а другой на деле.

19. Никто в такой мере не предавал себя странничеству, как тот великий, который услышал: *изыди от земли твоея, и от рода твоего, и от дому отца твоего* (Быт. 12, 1), и притом был призываем в иноплеменную и варварскую землю.

20. Иногда Господь много прославляет того, кто сделается странником по примеру сего великого; но хотя сия слава и от Бога дается, однако ее хорошо отвращать щитом смирения.

21. Когда бесы или и люди будут хвалить нас за странничество, как за великий подвиг, тогда помыслим о Том, Который ради нас снисшел на землю в виде странника, и найдем, что мы воздать за сие во веки веков не можем.

22. Пристрастие к кому-нибудь из родственников или из посторонних весьма вредно; оно может мало-помалу привлечь нас к миру и совершенно погасить огонь нашего умиления. Как невозможно одним глазом смотреть на небо, а другим на землю, так невозможно не подвергнуться душевным бедствиям тому, кто мыслями и телом не устранился совершенно от всех своих родственников и не родственников.

23. Добрый и благоустроенный нрав приобретается многим трудом и подвигом, но можно в одно мгновение потерять то, что было приобретено и многим подвигом. *Тлят бо обычаи благи беседы злы* (1 Кор. 15, 33), мирские и непристойные. Кто по отречении от мира обращается с мирскими людьми или близ них пребывает, тот, без сомнения, или впадает в их дела и сети, или осквернит сердце помышлением о них, или, хотя не оскверняясь, но осуждая оскверняющихся, и сам с ними осквернится.

О сновидениях, бывающих новоначальным

24. Нельзя скрыть того, что понятие ума нашего весьма несовершенно и всячески исполнено неведения, потому что гортань различает снеди, слух распознает мысли, при взгляде на солнце оказывается немощь очей, а неразумие души обнаруживают слова. Но закон любви понуждает и на то простираться, что выше силы. Итак, я думаю (впрочем, не утверждаю), что после слова о странничестве и даже в самом этом слове должно сказать несколько о сновидениях, чтобы нам знать и о сем коварстве злохитрых наших врагов.

25. Сновидение есть движение ума при неподвижности тела. Мечтание есть обман очей в усыплении мысли. Мечтание есть исступление ума при бодрствовании тела. Мечтание есть видение того, чего нет.

26. Причина, по которой мы после предшествовавшего слова решились говорить о сновидениях, очевидна. Когда мы, ради Господа оставив свои дома и родственников, предаем себя отшельнической жизни из любви к Богу, тогда бесы стараются возмущать нас сновидениями, представляя нам сродников наших, или сетующих, или за нас в заключении держимых и другие напасти терпящих. Посему, кто верит снам, тот подобен человеку, который бежит за своей тенью и старается схватить ее.

27. Бесы тщеславия – пророки в снах: будучи пронырливы, они заключают о будущем из обстоятельств и возвещают нам оное, чтобы мы по исполнении сих видений удивились и как будто уже близкие к дарованию прозрения вознеслись мыслью. Кто верит бесу, для тех он часто бывает пророком; а кто презирает его, пред теми всегда оказывается лжецом. Как дух, он видит случающееся в воздушном пространстве и, заметив, например, что кто-нибудь

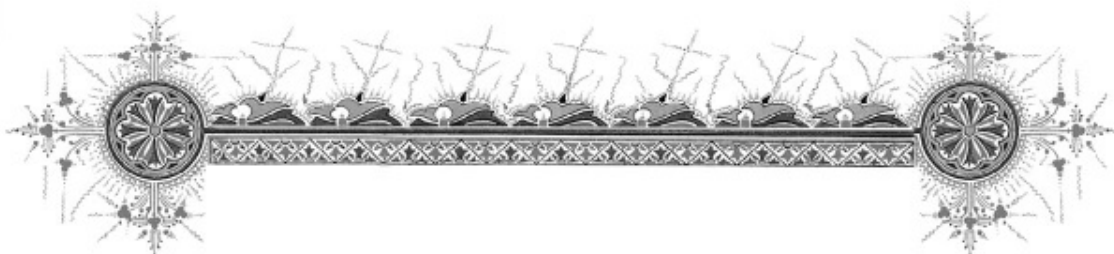
умирает, он предсказывает это легковерным через сновидение. Бесы о будущем ничего не знают по предведению, но известно, что и врачи могут нам предсказывать смерть.

28. Бесы многократно преобразуются в ангелов света и в образ мучеников и представляют нам в сновидении, будто мы к ним приходим, а когда пробуждаемся, то исполняют нас радостью и возношением. Сие да будет тебе знаком прелести, ибо ангелы показывают нам муки, Страшный Суд и разлучения, а пробудившихся исполняют страха и сетования. Если станем покоряться бесам в сновидениях, то и во время бодрствования они будут ругаться над нами. Кто верит снам, тот вовсе не искусен, а кто не имеет к ним никакой веры, тот любомудр. Итак, верь только тем сновидениям, которые возвещают тебе муку и суд, а если приводят тебя в отчаяние, то и они от бесов.

Сия третья степень, равночисленная Святой Троице. Вступивший на нее да не озирается ни на десно, ни на лево (Втор. 5, 32).

Слово 4 О блаженном и приснопамятном Послушании

1. По порядку слова прилично нам предложить теперь о подвижниках и страдальцах Христовых, ибо, как всякий плод предваряется цветом, так всякому послушанию предшествует уклонение от мира, телом или волей. Двумя сими добродетелями (т.е. уклонением от мира и отвержением своей воли) преподобное послушание, как златыми крылами, безлестно входит на небо, и, может быть, о сих-то крылах некоторый духоносец воспел: *кто даст ми криле яко голубине, и полещу деянием, и почию* (Пс. 54, 7) в видении и смирении.

2. Не преминем, если угодно, изъяснить в этом слове и самый образ воинствования сих мужественных ратников: как они держат щит веры к Богу и своему наставнику, отвращая им, так сказать, всякий помысл неверия и переходение (в другое место), и, всегда вознося меч духовный, убивают им всякую собственную волю, приближающуюся к ним, и, будучи одеты в железную броню кротости и терпения, отражают ею всякое оскорбление, уязвление и всякие стрелы; имеют они и шлем спасения – молитвенный покров своего наставника; ногами же своими не стоят совокупленно, но одну простирают на служение, а другую имеют неподвижно на молитве.

3. Послушание есть совершенное отречение от своей души, действиями телесными показуемое; или наоборот, послушание есть умервщление членов телесных при живом уме. Послушание есть действие без испытания, добровольная смерть, жизнь, чуждая любопытства, беспечалие в бедах, неуготовляемое перед Богом оправдание, бесстрашие смерти, безбедное плавание, путешествие спящих. Послушание есть гроб собственной воли и воскресение смирения... Послушный, как мертвый, не противоречит и не рассуждает ни в добром, ни во мнимом худом, ибо за все должен отвечать тот, кто благочестиво умертвил душу его¹⁶. Послушание есть отложение рассуждения и при богатстве рассуждения.

4. Начало умервщления и душевной воли, и членов тела бывает прискорбно, середина иногда бывает с прискорбием, иногда без прискорбия, а конец уже без всякого ощущения и возбуждения скорби. Тогда в скорби и болезни сердечной бывает сей блаженный и живой мертвец, когда увидит, что исполняет свою волю, ибо страшит его бремя собственного осуждения.

5. О, вы, которые решились вступить на поприще сего мысленного исповедничества; вы, которые хотите взять на выю свою иго Христово; вы, которые отседе желаете сложить бремя свое на выю другого, которые стремитесь добровольно продать себя в рабство, чтобы в замену одного получить истинную свободу; вы, которые преплываете великую сию пучину, будучи поддерживаемы руками других; знайте, что вы покусились идти путем кратким, хотя

¹⁶ Т.е. отец, через послушание умертвивший в нем страстную волю.

и жестоким, на котором одна только есть стезя, вводящая в заблуждение – она называется самочинием. Кто совершенно отвергся самочиния и в том, что он почитает добрым, духовным и богоугодным, тот уже достиг цели, прежде нежели вступил в подвиг, потому что послушание есть неверование себе самому во всем добром, даже до конца жизни своей.

6. Когда мы в намерении и разуме смиренномудрия желаем покорить себя ради Господа и без сомнения вверить спасение наше иному, то еще прежде вступления нашего на сей путь, если мы имеем сколько-нибудь проницательности и рассуждения, должны рассматривать, испытывать и, так сказать, искусить сего кормчего, чтобы не попасть нам вместо кормчего на простого гребца, вместо врача на больного, вместо бесстрастного на человека, обладаемого страстями, вместо пристани в пучину и, таким образом, не найти готовой гибели. Но по вступлении на поприще благочестия и повиновения уже отнюдь не должны мы испытывать или судить в чем-нибудь доброго нашего наставника и судию, хотя, может быть, в нем как в человеке и увидим некоторые малые согрешения. Если же не так, то, сделавшись сами судьями, не получим никакой пользы от повиновения.

7. Желаящим соблюдать всегда несомненную веру к наставникам необходимо нужно незабвенно и неизгладимо хранить в сердце своем их добродетели, с тем чтобы воспоминанием об оных заградить уста бесам, когда они станут в нас всевать к ним неверие, ибо сколько вера цветет в сердце, столько и тело успевает в служении, а кто преткнулся о камень неверия, тот уже пал, ибо всячески, *еже не от веры, грех есть* (Рим. 14, 23). Когда помысл склоняет тебя испытать или осудить твоего наставника, как от блуда отскочи от оногo, не давай сему змию никакого послабления, ни места, ни входа, ни приступа, но говори ему: «О, прелестник! Не я над наставником, а он надо мною получил суд; не я его, а он мой судья».

8. Отцы псалмопение называют оружием, молитву – стеной, непорочные слезы – умывальницей, а блаженное послушание назвали исповедничеством, без которого никто из страстных не узрит Господа.

9. Послушник сам на себя произносит суд, потому что если он совершенно повинуетя ради Господа, то хотя он и не думает, что совершенно послушен, но от суда своего (т.е. обличений совести) освобождается; если же он в чем-нибудь исполняет свою волю, то хотя ему и будет казаться, что он повинуетя, однако сам несет свое бремя¹⁷. Впрочем, хорошо бы было, если бы наставник не переставал обличать его; если же он умолкнет, то не знаю уже что и сказать об этом. В простоте повинующиеся ради Господа благополучно совершают путь свой, не навлекая на себя коварства бесов своими тонкими исследованиями.

10. Прежде всего, исповедуем доброму судии нашему согрешения наши наедине; если же повелит, то и при всех, ибо язвы объявляемые не преуспевают на горшее, но исцелеют.

О разбойнике покающемся

11. Пришедши в некоторое общежитие, видел я страшное судилище доброго судии и пастыря. В мою бытность там случилось, что один разбойник пришел, изъявляя желание вступить в монашество. Превосходный пастырь оный и врач повелел ему семь дней пользоваться совершенным покоем и только рассматривать устройство обители. По прошествии седьмого дня пастырь призывает его и спрашивает наедине: желает ли он остаться с ними жить? И увидев, что он со всей искренностью согласился, опять спрашивает его, что он сделал худого, живя в мире. Разбойник немедленно и со всем усердием исповедал ему все грехи свои. Тогда пастырь, искушая его, сказал: «Хочу, чтобы ты объявил все это перед всем братством». Он же, истинно возненавидевши грех свой и презревши весь стыд, не колеблясь

¹⁷ По другому переводу: «почувствует обременение совести». Т.е. не может иметь того спокойствия духа, каким пользуются истинно повинующиеся.

обещался исполнить сие, говоря: «Если хочешь, то сделаю это даже посреди Александрии». Тогда пастырь собрал в церковь всех своих овец, которых было триста тридцать, и во время совершения Божественной литургии (ибо день был воскресный) по прочтении Евангелия повелел ввести сего непорочного осужденника. Некоторые из братии влекли его и слегка ударяли, руки были у него связаны назади, он был одет в волосяное вретище, и голова его была посыпана пеплом, так что от одного этого зрелища все ужаснулись и воскликнули с плачем, ибо никто не знал, что все это значит. Потом, когда он был близ святых дверей, священник оный и человеколюбивый судия воззвал к нему громким голосом: «Остановись, ибо ты недостойн войти сюда». Пораженный ишедшим к нему из алтаря гласом пастыря (ибо, как он после с клятвой уверял нас, ему казалось, что он слышит гром, а не голос человеческий), разбойник пал на землю, трепеща и весь потрясен быв страхом. Когда он, таким образом повергшись на землю, омочил помост слезами, тогда сей чудный врач, который всеми мерами устраивал его спасение и всем подавал образ спасения и действительного смирения, повелел ему объявлять пред всеми подробно все сделанные им беззакония – и он с трепетом исповедал один за другим все возмутительные для слуха грехи свои, не только плотские, по естеству и против естества сделанные с людьми и животными, но и чародеяния, и убийства, и другие злодеяния, которые не следует ни слышать, ни придавать писанию. Тотчас после сей исповеди пастырь повелел его постричь и причислить к братии.

12. Удивляясь премудрости сего преподобного, я спросил его наедине, для чего он употребил столь странный образ покаяния? «По двум причинам, – отвечал сей истинный врач, – во-первых, для того, чтобы исповедавшегося настоящим посрамлением избавить от будущего – что и сбылось, ибо он, брате Иоанне, не прежде встал с помоста, как получивши прощение всех согрешений. И не сомневайся в этом, ибо один из братий, присутствовавших при сем, уверял меня, что он видел некоторого страшного мужа, державшего писанную бумагу и трость, и как только лежащий выговаривал какой-нибудь грех свой, то он тростью своей изглаждал его. Да и справедливо, ибо Давид говорит: *рех, исповем на мя беззаконие мое Господеви, и Ты оставил еси нечестие сердца моего* (Пс. 31, 5). Во-вторых, как в числе братий моих есть и такие, которые имеют согрешения неисповеданные, то я хотел сим примером побудить их к исповеданию, без которого никто не может получить прощения».

13. Видел я и другое многое, достойное удивления и памяти у достопочтенного оного пастыря и в пастве его, и большую часть из этого постараюсь вам сообщить, ибо я немалое время находился у них, рассматривая их образ жизни, и весьма удивлялся, видя, как сии жители земли подражали небожителям.

14. Они были связаны друг с другом неразрывным союзом любви, и, что еще удивительнее, – при такой любви они были чужды всякой вольности и празднословия; прежде же всего обучались тому, чтобы не уязвить чем-нибудь своего брата. Если же в ком обнаруживалась ненависть к брату, то пастырь отсылал такого, как преступника, в особенный монастырь. Некогда один брат оклеветал пред ним ближнего – сей преподобный тотчас повелел его выгнать, говоря, что не должно допускать быть в обители двум диаволам, т.е. видимому и невидимому.

15. Видел я у сих преподобных отцов дела поистине полезные и удивительные: братство собранное и связанное о Господе, имевшее чудесное деяние и видение, ибо они так упражняли сами себя и обучали божественным добродетелям, что почти не имели нужды в нападении настоятеля, но добровольно возбуждали друг друга к божественной бдительности. У них были установлены и навыком утверждены некоторые преподобные и божественные обычаи. Например, если случалось, что кто-нибудь из них, в отсутствие предстоятеля, начинал укорять, или осуждать кого-нибудь, или вообще празднословить, то другой брат неприметным мановением напоминал ему о бесчинии и удерживал его; если же тот не вразумлялся, тогда напоминавший, сделав поклон, удалялся. Когда нужно было беседовать,

то память смерти и помышление о вечном суде были всегдашними предметами их разговоров.

16. Не премину сказать вам о преславнейшей добродетели тамошнего повара. Видя, что он в своем служении имеет непрестанное умиление и слезы, я просил его открыть мне, каким образом он сподобился сей благодати? Будучи убежден моей просьбой, он отвечал: «Я никогда не помышлял, что служу людям, но Богу; я счел себя недостойным никакого безмолвия и, смотря на огонь сей, непрестанно вспоминаю о вечном пламени».

17. Послушаем и о другой преславной добродетели тамошних отцов. Блаженные сии и во время трапезы не прекращали умного делания; но некоторыми обычными у них тайными знаками напоминали друг другу о внутренней молитве; и делали это не только на трапезе, но и при всякой встрече друг с другом, и при всяком собрании.

18. Если же кому-нибудь из них случалось пасть в какой-нибудь проступок, то братья убедительно просили его сложить на них все попечение по сему случаю, и ответ перед пастырем, и наказание. Посему и великий сей муж, зная об этом делании своих учеников, назначал уже легчайшие наказания, будучи уверен, что наказываемый не виноват; даже он и не изыскивал, кто из них подлинно впал в проступок.

19. Как могло иметь у них место празднословие или кошунство? Если кто-нибудь из них начинал распрю с ближним, то другой брат, тут случившийся, делал поклон и тем укрощал их гнев. Когда же замечал в них памятозлобие, то объявлял о раздоре второму по настоятелю, и тот приводил их к примирению прежде захождения солнца. А если они упорствовали в ожесточении, то им или запрещалось вкушать пищу до примирения, или они были изгоняемы из обители.

20. Сия достохвальная предосторожность наблюдалась у них не напрасно, но приносила и оказывала обильный плод, ибо многие между сими преподобными просияли как деятельной жизнью, так и рассматрительностью, рассуждением и смиренномудрием. У них можно было видеть чудное и ангелоподобное зрелище: украшенные сединами и священнолепные старцы как дети притекали к послушанию и имели величайшей похвалой свое смирение. Там видел я мужей, пребывавших в послушании лет по пятидесяти, которых я просил сказать мне, какое утешение получили они от такого труда? Одни из них говорили, что низошли в бездну смиренномудрия, которым на век всякую брань отразили, а другие сказывали, что достигли совершенного неощущения и безболезненности в укоризнах и досадах.

21. Видел я и других между сими приснопамятными, украшенных белизной ангеловидной, которые пришли в состояние глубочайшего незлобия и простоты упрямудренной, произвольной и богоисправленной. Ибо как лукавый человек есть нечто двойственное, один по наружности, а другой по сердечному расположению, так простой – не двойственен, но есть нечто единое. Простота же оных отцов была не безрассудная и бессмысленная, по примеру старых людей в мире, которых называют выжившими из ума. По наружности они всегда были кротки, приветливы, веселы; и слова, и нрав их были непритворны, непринужденны и искренни, что не во многих можно найти; внутри же, в душе, они, как незлобивые младенцы, дышали Богом и наставником своим и на бесов, и на страсти взирали твердым и строгим оком ума.

22. Времени жизни моей не достанет мне, о, священный пастырь и боголюбивое собрание, на описание добродетелей и небоподражательного жития сих блаженных отцов. Однако, слово наше к вам лучше украсить повествованием об их подвигах и тем возбудить вас к богоугодной ревности, нежели наполнять оное собственными моими наставлениями, ибо без всякого прекословия худшее украшается лучшим. Только не думайте, прошу вас, чтобы мы написали здесь что-нибудь вымышленное, ибо от неверия обыкновенно всякая польза теряется. Но возвратимся к продолжению нашего слова.

Об Исидоре

23. Некоторый муж, по имени Исидор, из князей города Александрии, за несколько лет перед сим отрехшись мира, удалился в сию обитель. Всепреподобный пастырь оный, приняв его, заметил, что он весьма коварен, суров, зол и горд; посему премудрейший сей отец покушается человеческим вымыслом преодолеть бесовское коварство и говорит Исидору: «Если ты истинно решился взять на себя иго Христово, то хочу, чтобы ты прежде всего обучался послушанию». Исидор отвечал ему: «Как железо кузнецу, предаю себя тебе, святейший отче, в повиновение». Тогда великий отец, утешенный сим уподоблением, немедленно назначает обучительный подвиг сему железному Исидору¹⁸ и говорит: «Хочу, чтобы ты, истинный брат, стоял у ворот обители и всякому входящему и исходящему человеку кланялся до земли, говоря: «Помолись обо мне, отче, я одержим злым духом». Исидор так послушался своего отца, как ангел Господа. Когда же провел семь лет в этом подвиге и пришел в глубочайшее смирение и умиление, тогда приснопамятный отец, после семилетнего законного искуса и беспримерного Исидорова терпения, пожелал его как достойнейшего причислить к братии и сподобить рукоположения. Но он много умолял пастыря, как через других, так и через меня, немощного, чтобы ему позволили там же и тем же образом оканчивать подвиг, неясно намекая сими словами на то, что кончина его приближается и что Господь призывает его к Себе – что и сбылось. Ибо когда учитель оный оставил его в том же состоянии, он по прошествии десяти дней через бесславие свое со славой отошел ко Господу, а в седьмой день после успения своего взял ко Господу и привратника оной обители. Блаженный говорил ему при жизни: «Если я получу дерзновение ко Господу, то ты вскоре и там неразлучен со мной будешь». Так и случилось в достовернейшее доказательство непостыдного сего послушания и богоподражательного смирения.

24. Спросил я великого сего Исидора, когда он еще был в живых, какое во время пребывания его у ворот ум его имел делание. Достопамятный сей, желая оказать мне пользу, не скрыл от меня этого. «Вначале, – говорил он, – я помышлял, что продал сам себя в рабство за грехи мои и потому со всякой горестью, самонасилием и кровавым понуждением делал поклоны. По прошествии же года сердце мое уже не ощущало скорби, ожидая от Самого Господа награды за терпение. Когда минул еще один год, я уже в чувстве сердца стал считать себя недостойным и пребывания в обители, и видения отцов, и зрения на лица их, и причащения Святых Таин и, поникши очами долу, а мыслью еще ниже, уже искренно просил входящих и исходящих помолиться обо мне».

О Лаврентии

25. Когда я однажды сидел за трапезой с великим сим настоятелем, он приклонил святые уста свои к моему уху и сказал: «Хочешь ли я покажу тебе в глубочайшей седине божественное мудрование?» Я просил его об этом, и преподобный отец позвал от второй трапезы инока, по имени Лаврентия, который около сорока восьми лет жил в той обители и был вторым соборным пресвитером. Он пришел и, поклонившись игумену до земли, принял от него благословение. Но когда встал, то игумен ничего не сказал ему а оставил его стоять перед трапезой не евши – обед же только начинался. Так он стоял с час или два, и мне стало уже стыдно взглянуть на лицо сего делателя; ибо он был совершенно седой, имея уже восьмидесятый год от роду. Он стоял таким образом, без привета и ответа, пока обед не кончился,

¹⁸ По-гречески: «железо»; здесь выходит созвучие слов, в переводе непередаваемое.

а когда встали, то преподобный послал его к вышеупомянутому великому Исидору сказать ему начало тридцать девятого псалма¹⁹.

26. Я же, как лукавейший, не упустил случая испытать сего старца и спросил его, о чем он помышлял, стоя перед трапезой. Он отвечал: «Представляя себе пастыря во образе Христа, я никогда не помышлял, что получаю повеления от него, но от Бога; посеми и стоял я, отче Иоанне, не как перед трапезой человеческой, но как перед жертвенником Божиим и молился Богу; и по вере и любви моей к пастырю я не имел против него никакого лукавого помышления. Ибо некто сказал: *любвы не мыслит зла*. Впрочем, и то знай, отче, что если кто предал себя простоте и добровольному незлобию, в том лукавый уже не находит себе места ни на мгновение».

Об экономе

27. Каков был помощью Божией тот пастырь словесных овец, такого и эконома послал ему в обитель праведный Господь, ибо он был целомудр, как никто другой, и кроток, как весьма немногие. Однажды великий старец для пользы прочих притворно на него разгневался и приказал выслать его из церкви раньше времени. Зная, что он невинен в том, в чем пастырь обличал его, я, будучи наедине с сим великим, оправдывал перед ним эконома. Но премудрый муж отвечал мне: «И я знаю, отче, что он не виноват; но как несправедливо и жалко было бы вырвать хлеб из уст голодного младенца, так и наставник душ делает вред и себе, и подвижнику, если не подает ему случаев к приобретению венцов, какие он, по его примечанию, может на всякий час заслуживать перенесением досад, бесчестий, унижений и поруганий. От этого происходит троякий и весьма важный вред: во-первых, что сам настоятель лишается награды, которую получил бы за благонамеренные выговоры и наказания; во-вторых, что мог бы добродетелию одного доставить пользу другим, но этого не сделал; третий же и самый тяжкий вред состоит в том, что часто и сии самые, кажущиеся мужественными и терпеливыми, бывши оставлены на время и как утвердившиеся в добродетели, не получая уже от настоятеля ни обличений, ни поношений, лишаются снисканной кротости и терпения. Ибо хотя земля сия и добра, и тучна, и плодоносна, но при недостатке воды бесчестия, она дичает и производит терние кичения, блуда и бесстрашия. Зная сие, великий апостол писал к Тимофею: *настой... обличи, запрети им благовременно и безвременне* (2 Тим. 4, 2).

28. Когда же я противоречил, представляя истинному оному наставнику немощь рода нашего и то, что, может быть, многие по причине напрасного или и ненапрасного взыскания могут отторнуться от паствы, тогда сей, исполненный премудрости муж, сказал: «Душа, привязавшаяся ради Христа любовью и верой к пастырю, не отступает от него даже до крови: особенно же, если она получила через него исцеление своих язв, памятуя сказавшего: *ни ангели, ни начала, ниже силы... ни ина тварь кая возможет нас разлучити от любви Христовой* (Рим. 8, 38). Если же душа не привязалась таким образом, не утвердилась, не прилепилась, то удивляюсь, если таковой человек не тщетно пребывает на сем месте, будучи соединен с пастырем притворным и ложным повиновением». И, действительно, сей великий муж не обманулся в своем мнении. Но и удержал овец в своей пастве, и наставил, и привел к совершенству, и принес Христу как непорочные жертвы.

¹⁹ Терпя потерпех Господа, и внят ми и услыша молитву мою (Пс. 39, 1).

Об Аввакире

29. Послушаем еще и подивимся премудрости Божией, обретающейся в скудельных сосудах. Находясь в той же обители, я удивлялся вере и терпению некоторых новоначальных и тому, как они с неутомимой твердостью переносили от настоятеля выговоры и укоризны, а иногда и отгнания, и терпели это не только от настоятеля, но и от других, меньших. Для душевного назидания спросил я одного из братий, уже пятнадцать лет жившего в той обители, по имени Аввакира, которого, как я видел, почти все обижали, а служители едва не каждый день выгоняли из трапезы, потому что сей брат от природы был несколько неводержан на язык. «Брат Аввакир, – сказал я ему, – за что тебя всякий день выгоняют из трапезы, и я часто вижу, что ты идешь спать без ужина?» Он отвечал: «Поверь, отче, сии отцы мои искушают меня, точно ли я монах? И как они делают сие не вправду, то и я, зная намерение их и великого отца, терплю все без отягощения; и вот уже пятнадцать лет живу, имея сию мысль, как и сами они при вступлении моем в обитель говорили, что до тридцати лет искушают отрицающихся от мира. И справедливо, отче Иоанне, ибо неискушенное золото не бывает чисто».

30. Сей доблестный Аввакир, пребыв в том монастыре по моем пришествии туда два года, отошел ко Господу и, когда был при смерти, сказал отцам: «Благодарю, благодарю Господа и вас, ибо за то, что вы меня на спасение мое, искушали, и я семнадцать лет был свободен от искушений бесовских». Правосудный пастырь повелел положить его, как исповедника, по справедливости, со святыми, почивающими в том месте.

Об архидиакоме Македонии

31. Обижу я всех ревнителей добра, если погребу во гробе молчания добродетель²⁰ и подвиг Македония, первого из тамошних диаконов. Сей усердно работавший Господу муж, однажды, когда приближался праздник св. Богоявления, за два дня до него испросил у пастыря позволение сходит в Александрию, по некоторой своей надобности, обещаясь скоро возвратиться из города по случаю наступающего праздника и приготовлений к оному. Но диавол, ненавидящий доброе, воспрепятствовал сему архидиакону, и он, отпущенный, не поспел в обитель к святого праздника в назначенный срок, а пришел на другой день. Пастырь отлучил его за это от священнослужения и низводит в чин последних между новоначальными. Но сей добрый диакон терпения и архидиакон твердости так беспечно принял сие определение отца своего, как бы не он, но кто другой кто-нибудь подвергся запрещению. Когда же он сорок дней провел в сем состоянии, премудрый пастырь опять возвел его на степень диакона; но по прошествии одного дня Македоний умолял авву оставить его в запрещении и прежнем бесчестии, говоря, что он сделал в городе непростительный грех. Преподобный знал, что архидиакон говорит неправду и ищет сего только ради смирения, но уступил доброму желанию сего подвижника. Удивительное было тогда зрелище! Старец, почтенный сединой, пребывал в чине новоначальных и усердно просил всех, чтобы о нем помолились. «Ибо я, – говорил он, – впал в блуд преслушания». Мне же, смиренному, сей великий Македоний сказал за тайну, почему он добровольно прибегнул к пребыванию в таком уничижении. «Никогда, – говорил он, – не чувствовал я в себе такого облегчения от всякой внутрени брани и такой сладости Божественного света, как теперь. Ангелам, – продолжал он, – свойственно не падать и даже, как некоторые говорят, совсем невозможно

²⁰ В славянском: «исправление», т.е. успех и твердость добродетели.

пасть; людям же свойственно падать и скоро восставать от падения, сколько бы раз это ни случилось; а только бесам свойственно, падши, никогда не восставать».

32. Эконом оной обители открыл мне о себе следующее: «Когда я был еще молод, — говорил он, — и ходил за скотом, я пал однажды весьма тяжким душевным падением. Но как я привык никогда не таить змия в недре сердца, то и сего змия, схватив за хвост (под чем разумею я конец или оставление дела), показал врачу; он же с веселым лицом, тихо ударив меня по щеке, сказал: «Поди, чадо, продолжай, как прежде, службу твою и отнюдь ничего не бойся». Приняв сие с горячей верой, я по прошествии немногих дней удостоверился в моем исцелении и, радуясь, а вместе и трепеща, продолжал путь свой».

33. Во всяком роде сотворенных существ, как говорят некоторые, есть многие различия, так и в том соборе братий были различия преуспеваний и произволений. Посему оный врач, когда примечал, что некоторые из братий любили выказывать себя во время пришествия мирских людей в обитель, то в присутствии тех же мирских осыпал их крайними досадами и отсылал в бесчестнейшие службы, так что после они сами поспешно убегали, как только видели мирян, приходящих в обитель. Удивительное тогда представлялось зрелище: тщеславие гнало само себя и скрывалось от людей.

О преподобном Мине

34. Господь, не хотя лишить меня молитвы одного преподобного отца в той же обители, за неделю до моего удаления из того святого места взял его к себе. Это был чудный муж, по имени Мина, второй правитель после настоятеля, пятьдесят девять лет пребывавший в том общежитии и прошедший все послушания. В третий день по кончине его, когда мы совершали обычное молитвословие об упокоении сего преподобного, внезапно наполнилось благоуханием все то место, где лежал преподобный. Тогда великий отец повелел нам открыть раку, в которой положено было честное его тело; мы исполнили повеление и увидели все, что из честных стоп его, как два источника, истекает благовонное миро. Тогда учитель оный сказал ко всем: «Видите ли, вот болезни ног и поты трудов его принесли Богу миро. И справедливо!» Отцы же того места, кроме многих других добродетелей²¹ сего преподобного Мины, рассказывали и следующее. Однажды настоятель захотел искусить богодарованное его терпение, и, когда он пришел в игуменскую келию и, положив вечерний поклон перед игуменом, по обыновению, просил дать предание²², то игумен оставил его лежать таким образом на земле даже до времени утреннего правила и тогда уже, благословив его, а вместе с тем и укорив как человека, любящего выказываться и нетерпеливого, восставил его. Преподобный знал, что он перенесет сие мужественно и потому сделал это в назидание всем. Ученик же преподобного Мины, утверждая истину сего происшествия, сказывал: «Я прилежно допытывался у него, не напал ли на него сон, когда он был оставлен игуменом в таком положении? Преподобный отец открыл мне, что, лежа на земле, он прочитал наизусть всю Псалтирь».

35. Не премину украсить венец сего моего слова и настоящим смарагдом. Однажды завел я с некоторыми из мужественнейших старцев той обители разговор о безмолвии; они же, с веселым видом, радушно и ласково отвечали мне: «Мы, отче Иоанне, будучи вещественны (плотяны), проходим и житие вещественное, рассудив наперед, что нам должно вступать в брань, соразмерную нашей немощи, и признав за лучшее бороться с человеками, которые иногда бывают свирепы, а иногда и каются, нежели с бесами, которые всегда неистовы и всегда вооружаются на нас».

²¹ В славянском: «исправления».

²² Т.е. предание о ночном правиле, о числе псалмов или поклонов. (См. Слово к пастырю, главу 14.)

36. Некто из приснопамятных оных мужей, имея великую ко мне любовь по Богу и дерзновение, сказал мне однажды с искренним расположением: «Если ты, мудрый, в чувстве души имеешь силу того, который сказал: *вся могу о укрепляющем мя... Христе* (Флп. 4, 13); если Дух Святой росой чистоты нашел на тебя, как на святую Деву; если сила Вышнего, сила терпения осенила тебя, то препояшъ, как Муж (Христос Бог), чресла твои лентием послушания и, восстав с вечера безмолвия, умывай ноги братий в сокрушенном духе или, лучше сказать, повергни себя под ноги братства мыслями самоуничижения. В дверях сердца твоего поставь стражей строгих и неусыпных, держи неудержимый ум в теле, находящемся в молве; при действии и движении членов телесных обучайся умному безмолвию, что всего достославнее; будь неустрашим душой среди молвы; связывай язык твой, неистово стремящийся на прекословия, и семьдесят крат седмицей в день сражайся с сим мучителем. На душевном кресте утверди ум, как утверждают наковальню в дереве, чтобы он, будучи поражаем частыми ударами молотов поругания, укорения, осмеяния и обид, пребывал нисколько не расслабляем и не сокрушаем, но весь гладок и недвижим. Свлекись собственной воли как срамной одежды и, обнажась от оной, вступи на поприще, что редко и нелегко обретается; оденься же в броню веры, неверием к Подвигоположнику несокрушаемую и не прободаемую. Бесстыдно стремящееся осязание укрощай уздой целомудрия. Размышлением о смерти удерживай глаза свои, которые ежечасно хотят любопытно смотреть на телесную красоту и великолепие. Любопытство ума обуз дывай попечением о самом себе, не позволяя ему осуждать брата в нерадении и нелестно изъявляя всякую любовь и милосердие к ближнему. *О сем уразумеют вси, любезнейший отче, яко Христовы ученицы есмы, аще во дружине любовь имамы между собой* (Ин. 13, 35). Гряди, гряди, говорил сей добрый друг, гряди сюда, водворись с нами и пей на всякий час поругания как воду живую. Давид, испытавши все прекрасное и все сладостное под небом, после всего как бы в недоумении сказал: *Се что добро, или что красно?* Не что иное, как *еже жити братии вкупе* (Пс. 132, 1). Если же мы еще не сподобились сего блага, т.е. такого терпения и послушания, то хорошо для нас, по крайней мере, познавши немощь свою, пребывая в уединении и далеко отстоя от подвижнического поприща, ублажать подвижающихся и молиться, чтобы Бог даровал им терпение». Победен я был добрым сим отцом и превосходным учителем, который евангельски и пророчески, лучше же сказать, дружелюбно поборол нас, и мы, без сомнения, согласились дать преимущество блаженному послушанию.

37. Воспомянувши еще об одной душеполезной добродетели сих блаженных отцов и как бы вышедши из рая, предложу вам опять неприятное и неполезное мое тернословие. Неоднократно, когда мы стояли на соборной молитве, блаженный пастырь оный замечал, что некоторые из братий беседовали между собой, и таковых ставил на всю седмицу перед церковью, повелевая, чтобы они кланялись всем входящим и исходящим. И что еще удивительнее, он наказывал таким образом и самих клириков, т.е. священнослужителей.

38. Видел я, что один из братий с большим, нежели многие, чувством сердца предстоит на псалмопении, и особенно в начале песней по некоторым движениям и выражению лица его было заметно, как бы он беседует с кем-нибудь; посему я просил его, чтобы он открыл мне значение сего блаженного обычая своего. Он же, привыкши не утаивать того, что может быть полезно ближнему, отвечал: «Я привык, отче Иоанне, в начале песней собирать помыслы и ум с душой и, созывая их, взывать к ним: *Приидите, поклонимся и припадем к Самому Христу, Цареву и Богу нашему!*»

39. Наблюдая прилежно за действиями трапезного, я увидел, что он носит при поясе небольшую книжку и, допросившись о сем, я узнал, что он ежедневно записывает свои помыслы и все это пересказывает пастырю. И не только он, но и другие весьма многие из тамошних братий делали это. Было же установлено это, как я слышал, заповедью великого оного пастыря.

40. Один из братий был некогда им изгнан из монастыря за то, что оклеветал перед ним ближнего, назвав его пустословом и многоречивым. Изгнанный стоял семь дней у ворот обители, упрашивая, чтоб его простили и позволили ему войти в монастырь. Когда душелюбивый отец услышал об этом и, прилежно разведав, узнал, что изгнанный в продолжение шести дней ничего не ел, то объявил ему: «Если ты непременно хочешь жить в сей обители, то я помещу тебя в число кающихся». И как кающийся принял сие с радостью, то пастырь и повелел его отвести в особенную обитель оплакивающих свои грехопадения, что тогда же и было исполнено. Но как мы теперь упомянули о сей обители, то скажем о ней вкратце.

41. В расстоянии одного поприща от великой обители было место, называвшееся Темницей, лишенное всякого утешения. Там никогда нельзя было видеть ни дыма, ни вина, ни елея и никакой другой пищи, кроме хлеба и небольшого количества огородных растений. В этом месте игумен заключал безвыходно тех, которые впадали в значительные грехи после вступления в иночество, и помещал их не всех вместе, но каждого в особой келии или по два в одной, но не более, и держал их в сем заточении, пока не получал от Бога извещения о каждом из них. Он поставил над ними и наместника, мужа великого, по имени Исаак, который от порученных ему требовал почти непрестанной молитвы, а на отгнание уныния было у них множество ветвей для плетения корзин. Таково было житие их, таково устройство, таково пребывание истинно *ищущих лице Бога Иаковля* (Пс. 23, 6).

42. Удивляться трудам сих святых – дело похвальное, ревновать им спасительно, а хотеть вдруг сделаться подражателем их жизни есть дело безрассудное и невозможное.

43. Будучи уязвляемы обличениями, будем вспоминать грехи свои, пока Господь, видя нужду нас, понуждающихся Его ради, не соблаговолит изгладить грехи наши и скорби, угрызаяющие сердце наше, претворит в радость, как говорит о том псалмопевец: *По множеству болезней моих в сердце моем, в такой же мере утешения Твоя возвеселиши душу мою* (Пс. 93, 19) в свое время. Не забудем и сих слов, которыми он вопиет ко Господу: *Елики явил ми еси скорби многи и злы, и обращаеся оживотворил мя еси, и от бездн земли по падении моем паки возвел мя еси* (Пс. 70, 20).

44. Блажен, кто, будучи ежедневно укоряем и уничижаем Бога ради, понуждает себя к терпению: он будет ликовать с мучениками, дерзновенно беседовать и с ангелами. Блажен монах, который каждочасно почитает себя достойным всякого бесчестия и уничижения. Блажен, кто волю свою умертвил совершенно и все попечение о себе предал своему учителю о Господе: он будет стоять одесную Иисуса Распятого. Если кто отвергает от себя праведное или неправедное обличение, тот отвергается своего спасения, а кто принимает оное со скорбью или без скорби, тот скоро получит прощение согрешений.

45. Веру и искреннюю любовь твою к отцу мысленно возвещай Богу, и Бог неведомым образом известит его о твоей к нему любви и равным образом расположит его к тебе и сделает благосклонным.

46. Объявляющий всякого змия своему наставнику показывает истинную к нему веру, а кто скрывает что-нибудь, тот еще блуждает по беспутиям.

47. Тогда всякий из нас познает, что в нем есть братолюбие и истинная к ближнему любовь, когда увидит, что плачет о согрешениях брата и радуется о его преуспевании и дарованиях.

48. Кто в беседе упорно желает настоять на своем мнении, хотя бы оно было и справедливо, тот да знает, что он одержим диавольским недугом, и если он так поступает в беседе с равными, то, может быть, обличение старших и исцелит его; если же обращается так с большими себя и мудрейшими, то этот недуг от людей неисцелим.

49. Неповинующий словом, без сомнения, не повинуется и делом; ибо кто в слове неверен, тот непреклонен и в деле. Таковой напрасно трудится и от святого повиновения ничего не получает, кроме своего осуждения.

50. Кто в повиновении отцу своему приобрел совершенно чистую совесть, тот уже не боится смерти, но ожидает ее ежедневно, как сна или, лучше сказать, как жизни, достоверно зная, что во время исхода души не от него, но от наставника потребуется ответ.

51. Если кто о Господе, без убеждения отца своего, принял какое-нибудь служение и нечаянно подвергся в нем преткновению, то должен в сем случае не тому приписывать вину, кто вручил ему оружие, но себе самому, принявшему оное, ибо он получил оружие для сражения с врагом, а вместо того обратил оное в свое сердце. Если же он понудил себя принять служение ради Господа и поручающему предварительно возвестил свою немощь, то пусть благодушествует, ибо хотя он и пал, но не умер.

52. Забыл я, возлюбленные, предложить вам еще один сладкий хлеб добродетели. Видел я в той обители послушников о Господе, которые сами себя укоряли и бесчестили по Богу для того, чтобы быть готовыми к принятию уничижений со стороны, заранее приучившись не бояться бесчестий.

53. Душа, помышляющая об исповеди, удерживается ею от согрешений, как бы уздой, ибо грехи, которых не исповедуем отцу, делаем уже как во тьме и без страха. Когда мы во время отсутствия наставника, воображая лицо его, думаем, что он перед нами стоит, и отвращаемся от всего того, что, по мнению нашему, было бы ему противно: разговора ли, или слова, или снеди, или сна, или чего бы то ни было, тогда мы истинно познали искреннее послушание, ибо неистинные ученики почитают отшествие учителя случаем радостным, а истинные сыны – потерей.

54. Однажды просил я одного из искуснейших старцев вразумить меня, каким образом послушание имеет смирение? Он отвечал: «Блаगरазумный послушник, если и мертвых будет воскрешать, и дарование слез получит, и избавления от браней достигнет, всячески думает, что это совершает молитва отца его духовного, и пребывает чужд и далек от суетного возношения; да и сам может ли он превозноситься тем, что, как сам сознает, сделал помощью другого, а не собственным старанием?»

55. Безмолвник же не имеет этой смиренной мысли в подобных случаях, потому что возношение имеет перед ним оправдание, внушая ему, будто он своим тщанием совершает сии исправления.

56. Находящийся в повиновении, когда победит следующие два обольщения врагов, пребывает уже рабом Христовым и вечным послушником.

О первом обольщении

57. Дьявол старается находящихся в повиновении иногда осквернять телесными нечистотами, делает их окаменелыми сердцем и сверх обычая тревожными; иногда наводит на них некоторую сухость и бесплодие, леность в молитве, сонливость и омрачение, чтобы внушить им, будто они не только никакой пользы не получили от своего повиновения, но еще и вспать идут, и таким образом отторгнуть от подвига послушания. Ибо он не попускает им разуместь, что часто промыслительное отнятие мнимых наших духовных благ бывает для нас причиной глубочайшего смиennemудрия.

58. Однако некоторые многократно отражали сего обольстителя терпением; но когда он еще не перестал говорить, другой вестник лжи, представь, другим образом покушается нас обольстить.

О втором обольщении

Видел я послушников, исполненных сердечного умиления, кротких, воздержанных, усердных, свободных от браней, страстей и ревностных к деланию, которые сделались тако-

выми через покров отца своего. Бесы, приступивши к ним, тайно вложили в них мысль, будто они уже сильны к безмолвию и могут достигнуть через него совершенства и бесстрастия. Обольщенные сим, они пустились из пристани в море, но когда буря постигла их, они, не имея кормчего, потерпели бедственное крушение в этом скверном и соленом море.

59. Необходимо, чтобы море сие поколебалось, возмутилось и рассвирепело, дабы посредством сего волнения извергнуть на землю хворост, сено и все гнилое, что только руки страстей внесли в него. Рассмотрим внимательно, и мы найдем, что после бури на море бывает глубокая тишина.

60. Кто иногда слушается, а иногда не слушается отца, тот подобен человеку, который к больному своему глазу в одно время прикладывает целебную мазь, а в другое – известь. Ибо Писание говорит: *Един созидаяй, а другой разоряяй, что успеет более, токмо труд* (Сир. 34, 23).

61. О, сын и послушник Господень! Не прельщайся духом возношения и возвещай учителю твоему согрешения свои не так, как от иного лица, потому что без самопосрамления невозможно избавиться от вечного стыда. Обнажай струп твой врачу сему и не стыдись сказать ему: «Отче, моя язва сия, моя рана сия, она произошла не от иного кого-нибудь, но от моей собственной лености; никто не виновен в ней, ни человек, ни злой дух, ни плоть, ни другое что-либо, но только мое нерадение».

62. Во время исповеди будь как наружным видом, так и внутренним чувством и мыслью, как осужденный преступник, поникши лицом на землю; и если можно, то омочай следами ноги судии и врача твоего, как ноги Самого Христа.

63. Бесы имеют обычай часто внушать нам или совсем не исповедовать согрешений отцу, или исповедовать, но как бы от лица иного, или складывать вину своего греха на других.

64. Если все зависит от навыка и за оным следует, то тем более добродетель, как имеющая великого содейственника Бога.

65. Не будешь, сын мой, много лет трудиться для приобретения блаженного покоя в душе, если сначала от всей души предашь себя терпению бесчестия.

66. Не думай, что неприлично исповедовать грехи твои отцу, споспешнику твоего спасения, как Богу, падши перед ним на землю. Видал я, что осужденные преступники жалобным и печальным видом своим, искренним признанием и убедительными просьбами смягчали жестокость судии и гнев его преклоняли на милосердие. Посему Иоанн Предтеча от приходивших к нему прежде крещения требовал исповеди, не сам нуждаясь в ней, но ища спасения приходивших.

67. Мы не должны удивляться, если и после исповеди бываем боримы, ибо лучше бороться с нечистотами²³, нежели с возношением.

68. Не восхищайся и не увлекайся повествованиями о безмолвствующих отцах и отшельниках, и не увлекайся вслед их, ибо ты подвизаешься в воинстве первомученика Стефана. Даже падая, не отступай от сего поприща, ибо в то время наиболее нужен нам врач. Кто и с помощью путевода преткнул ногу, тот не только преткнулся бы, но, без сомнения, и до смерти разбился бы, если бы ходил без помощи.

69. Когда мы бываем низвержены искушением, тогда бесы немедленно приступают, воспользовавшись сим, как благословным, или, лучше сказать, безрассудным предлогом, советуют нам идти на безмолвие; намерение же врагов наших состоит в том, чтобы к падению нашему прибавить еще рану.

70. Когда духовный врач наш признает себя недостаточным для исцеления нас, тогда должно идти к другому, ибо редкие исцеляются без врача. Кто будет противоречить нам,

²³ Т. е. скверными помыслами и такими же сонными грезами.

когда утверждаем, что если корабль, имея искусного кормчего, не избежал крушения, то без кормчего он должен был совершенно погибнуть?

71. От послушания рождается смирение, от смирения же бесстрастие, ибо *во смирении нашем помяну ны Господь... и избавил ны есть от врагов наших* (Пс. 135, 23–24), – как говорит псалмопевец. Посему ничто не возбраняет сказать, что от послушания рождается бесстрастие, которым совершается смирение. Ибо начало бесстрастия есть смирение, как Моисей – начало закона; а бесстрастие, которое есть дочь смирения, совершает мать свою, как Мария – сонм иудейский.

72. Всякого наказания достойны перед Богом те больные, которые, испытавши искусство врача и получивши от него пользу, из предпочтения к другому оставляют его прежде совершенного исцеления. Не избегай из рук того, который привел тебя ко Господу, ибо во всю жизнь твою ни перед кем не должен ты иметь такого почтительного благоговения, как перед ним.

73. Небезопасно для неопытного воина отделяться от полка своего и выходить на единоборство; опасно и для монаха прежде искуса и многого обучения в борьбе с душевными страстями отходить на безмолвие, ибо первый обыкновенно подвергается телесному бедствию, а последний – душевному. *Блази*, – говорит Писание, – *два паче единого* (Еккл. 5, 9), т.е. благо сыну с духовным отцом, при содействии Святого Духа, бороться против прежних пристрастий²⁴. Кто отнимает путеводителя у слепца, пастыря у паствы, проводника у заблудившегося, отца у младенца, врача у больного, кормчего у корабля, тот всех их подвергает опасности погибнуть; а кто без помощи наставника вступает в борьбу с духами злобы, тот бывает ими умерщвлен.

74. Вновь пришедшие в больницу да объявляют свои болезни, а вступившие в повиновение да показывают свое смирение. Для первых несомненный признак их оздоровления откроется в облегчении их болезней, а для вторых – в приумножении зазирания самих себя (т.е. сознания и своей худости и немощи), как ни в чем ином.

75. Совесть да будет тебе зеркалом твоего повиновения, и сего для тебя довольно.

76. Повинующиеся отцу в пустынном безмолвии имеют только бесов сопротивниками, а находящиеся в общежитии борются вместе и с бесами, и с людьми. Первые, будучи всегда перед глазами отца своего, с большею точностью сохраняют его заповеди; последние же по причине отсутствия учителя часто и нарушают оные несколько; впрочем, те из них, которые тщательны и трудолюбивы, с изобилием пополняют этот недостаток терпением достаждений и получают сугубые венцы.

77. Живя в братстве, *всяцем хранением* будем блюсти себя (Притч. 4, 23), ибо в пристани, наполненной кораблями, сии последние легко могут сокрушаться друг о друга, в особенности те из них, которые тайно проточены гневливостью, как бы червием.

78. В присутствии наставника будем обучать себя крайнему молчанию и неведению, ибо молчаливый муж есть сын любомудрия, который всегда приобретает многий разум.

79. Видел я одного послушника, который, прервав беседу наставника своего, сам продолжал оную, и я отчаялся пользы от его послушания, ибо видел, что он приобретает от него не смирение, но гордость.

80. Со всякой внимательностью, осторожностью и трезвенностью должны мы рассматривать, когда и как внешнее служение следует предпочитать молитве, ибо отнюдь не всегда должно это делать.

81. Находясь в общежитии, внимай себе и отнюдь не старайся в чем-нибудь показываться праведнее других братьев. Иначе ты сделаешь два зла: братию уязвишь своей ложной и притворной ревностью и себе дашь повод к высокоумию.

²⁴ В славянском переводе: «противу предприятие». См. примечания: в.

82. Будь ревностен, но в душе своей, нисколько не выказывая сего во внешнем обращении: ни видом, ни словом каким-либо, ни гадательным знаком. В сокровенной даже ревности последуй не иначе, как если ты уже перестал унижать ближнего. Если же ты на это не воздержан, то будь подобен братьям твоим и самомнением не отличайся от них (г).

83. Видел я неискусного ученика, который в присутствии некоторых людей хвалился добродетелями своего учителя и, думая снискать себе славу от чужой пшеницы, приобрел вместо того одно бесчестие, когда все сказали ему: «Как же доброе дерево произвело бесплодную ветвь?»

84. Не тогда можем мы называться терпеливыми, когда мужественно переносим поругание от отца, но когда от всякого человека и презрения, и уязвления переносим с терпением, ибо от отца мы все сносим из почтения, стыдясь, и по долгу нашему.

85. Усердно пей поругание, как воду жизни, от всякого человека, желающего напоить тебя сим врачевством, очищающим от блудной похоти, ибо тогда глубокая чистота воссияет в душе твоей и свет Божий не оскудеет в сердце твоём.

86. Кто видит, что собор братии через него успокоиваем, тот пусть не хвалится этим в уме своем, ибо воры кругом. Начертай глубоко в памяти твоей сие слово Христово: *Егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключити есмы: яко, еже должны бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17, 10). Праведный суд о трудах наших познаем во время исхода из сей жизни.

87. Общежитие есть земное небо; итак, понудим себя иметь такое же сердечное расположение, как служащие Господу Ангелы. Пребывающие на сем земном небе иногда бывают как бы каменисты сердцем, а иногда, напротив, бывают утешаемы умилением, чтобы им и возношения избегать, и услаждать труды слезами.

88. Небольшой огонь смягчает много воска: часто и малое бесчестие, нанесенное нам, вдруг смягчает, услаждает и истребляет всю свирепость, бесчувствие и ожесточение сердца.

89. Видел я однажды двух человек, которые, скрывшись в тайном месте, наблюдали труды подвижников и подслушивали их воздыхания; но один делал это для того, чтобы подражать им, а другой для того, чтобы при случае объявить это с поношением и подвижника Божия отторгнуть от доброго делания.

90. Не будь безрассудно молчалив, чтобы не причинить другим смущения и огорчения; и, когда повелели тебе поспешать, не будь медлен в действии и в хождении, иначе ты будешь хуже мятежливых и бешеных. Видех *сицевая*, – как говорит Иов (см. Иов. 16, 2), что некоторые души недуговали медлительностью по свойству нрава, а другие по ухищрению²⁵, и удивился, как разнообразна злоба страстей!

91. Пребывающий в общежитии не столько может получить пользы от псалмопения, сколько от молитвы, ибо смущением расстраивается псалмопение.

92. Непрестанно борись с парением твоих мыслей и, когда ум рассеялся, собирай его к себе, ибо от новоначальных послушников Бог не ищет молитвы без парения. Поэтому не скорби, будучи расхищаем мыслями, но благодушествуй и непрестанно воззывай ум ко вниманию, ибо никогда не быть расхищаему *мыслями свойственно одному* Ангелу.

93. Кто положил в тайне сердца своего завет с самим собой не оставлять спасительного подвига до последнего издыхания и до тысячи смертей тела и души не уступать врагу, тот не впадет легко ни в то, ни в другое из этих бедствий; преткновения и беды сии происходят всегда от сомнения сердца и от недоверия к местам. Удобопреклонные к переходу с места на место неискусны во всем, ибо ничто так не делает душу бесплодной, как нетерпеливость.

94. Если ты пришел к неизвестному врачу и в неведомую врачебницу, то будь в ней как бы мимоходом, а между тем тайно рассматривай жизнь и духовную опытность там живущих.

²⁵ В переводе Паисия Величковского примечание: «нарочностью» (т. е. по упрямству).

Когда же от сих духовных художников и служителей почувствуешь пользу в твоих недугах, а наиболее, если найдешь между ними то, чего и должно искать, т.е. врачевство против душевной надменности, тогда уже и приступи к ним, и продайся на злате смирения, на хартии послушания, на рукописании служения, и при свидетелях Ангелах раздери перед ними, раздери хартию своей воли. Ибо если будешь только скитаться туда и сюда, то потеряешь искупление, которым Христос тебя искупил. Место или обитель, в которую ты поступил, да будет тебе гробом прежде гроба; никто не исходит из гроба прежде общего воскресения; а если некоторые и вышли, то знай, что они умерли. Будем молиться Господу, чтоб и нам сего не пострадать.

95. Ленивые, когда видят, что им назначают тяжкие дела, тогда покушаются предпочитать им молитву, а если дела служения легки, то отбегают молитвы, как от огня.

96. Бывает, что проходящий некоторое служение по просьбе другого брата предоставляет оное ему, с тем чтобы его успокоить; другой оставляет свое служение по лености. Иной опять не оставляет его по тщеславию, другой же – по усердию.

97. Если ты дал обещание жить в какой-нибудь обители или вместе с некоторыми братьями и видишь, что в этой жизни не получаешь душевной пользы, то не отрекайся разлучиться. Впрочем, искусный везде искусен, и наоборот. Укоризны производят многие несогласия и разлучения в мире, а чревообъядение есть причина всех падений и отвержений своих обетов в иноческих общежитиях. Если ты победишь сию госпожу, то всякое место будет тебе способствовать к приобретению бесстрастия; если же она тобой будет обладать, то до самого гроба везде будешь бедствовать.

98. Господь, умудряющий слепцов, просвещает очи послушников видеть добродетели их учителя и отемняет их не видеть недостатков его, а ненавистник добра делает противное сему.

99. Ртуть может служить для нас, о, други, превосходным образцом повиновения: она спускается ниже всякой жидкости и никогда не смешивается ни с какой нечистотой.

100. Ревностные наиболее должны внимать себе, чтобы за осуждение ленивых не подвергнуться самим еще большему осуждению. И Лот, как я думаю, потому оправдался, что, живя посреди таких людей, никогда их не осуждал.

101. Всегда, а наиболее при соборном псалмопении должно соблюдать безмолвность и безмятежность, ибо то и намерение у бесов, чтобы смущением и развлечением губить молитву.

102. Послушник есть тот, кто телом предстоит людям, а умом ударяет в небеса молитвой.

103. Досады, унижения и все подобные случаи в душе послушника уподобляются полынной горечи, а похвалы, честь и одобрения, как мед рожают в сладострастных всякую сладость. Но рассмотрим, какое свойство того и другого: полынь очищает всякую внутреннюю нечистоту, а мед обыкновенно умножает желчь.

104. Тем, которые взяли на себя о Господе попечение о нас, должны мы верить без всякого собственного попечения, хотя бы повеления их и не согласны были с нашим мнением, и казались противными нашему спасению, ибо тогда-то вера наша к ним искушается как бы в горниле смирения. Признак истинной веры в том и состоит, чтобы без сомнения покоряться повелевающим, даже тогда, когда мы видим, что повеления их противны нашим ожиданиям.

105. От послушания рождается смирение, как мы и выше сказали; от смирения же – рассуждение, как и великий Кассиан прекрасно и весьма высоко любомудрствует о сем в своем слове о рассуждении (д); от рассуждения – рассмотрение, а от сего – прозрение. Кто же не пожелает идти добрым путем послушания, видя, что от него проистекают такие блага? О

сей-то великой добродетели и добрый певец сказал: *уготовал если благостию Твоею, Боже, нищему послушнику, пришествие Твое в сердце его* (Пс. 67, 11).

106. Во всю жизнь твою не забывай того великого подвижника, который в продолжение целых восемнадцати лет телесными ушами не слышал от наставника своего сего привета: «спасайся»; но внутренними ежедневно слышал от Самого Господа не слово «спасайся», которое выражает одно желание и еще неизвестность, но «ты спасен», что уже определительно и несомненно.

107. Не знают себя и своей пользы те послушники, которые, заметив благосклонность и снисходительность своего наставника, просят его назначить им служения по их желаниям. Пусть они знают, что, получивши их, они совершенно лишаются исповеднического венца, потому что послушание есть отвержение лицемерия и собственного желания.

108. Иной, получив повеление и понимая притом мысль повелевшего, что исполнение приказания не будет ему угодно, оставил оное, а другой, хотя и понимал это, но исполнил приказание без сомнения. Должно испытать, кто из них благочестивее поступил? (е)

109. Невозможное дело, чтобы диавол стал сопротивляться своей воле; да уверят тебя в этом те, которые живут в нерадении, но постоянно пребывают в одном безмолвном месте или в одном и том же общежитии. Когда мы, живя в каком-нибудь месте, бываем боримы к переходу на другое, то брань эта да будет для нас указанием нашего благоугождения Богу на том месте, ибо когда бываем боримы, то это значит, что мы противоборствуем.

О преподобном Акакии

110. Не хочу неправедно скрывать и лихоимствовать бесчеловечно, не хочу умолчать перед вами о том, о чем молчать не должно. Великий Иоанн Савваит сообщил мне вещи, достойные слышания, а ты сам, преподобный отче, по опыту знаешь, что сей муж бесстрастен и чист от всякой лжи, от всякого лукавого дела и слова. Он рассказал мне следующее. «В обители моей в Азии (ибо оттуда пришел сей преподобный), в которой я находился, прежде нежели пришел сюда, был один старец весьма нерадивой жизни и дерзкого нрава; говорю сие, не судя его, а дабы показать, что я говорю правду. Не знаю, каким образом приобрел он себе ученика, юношу, именем Акакий, простого нрава, но мудрого смыслом, который столько жестокостей перенес от сего старца, что для многих это покажется невероятным, ибо старец мучил его ежедневно не только укоризнами и ругательствами, но и побоями; терпение же послушника было небезрассудное. Видя, что он, как купленный раб, ежедневно крайне страдает, я часто говаривал ему при встрече с ним: «Что, брат Акакий, каково сегодня?» В ответ на это он тотчас показывал мне иногда синее пятно под глазом, иногда уязвленную шею или голову; а как я знал, что он делатель, то говаривал ему: «Хорошо, хорошо, потерпи и получишь пользу». Прожив у своего немилостивого старца девять лет, Акакий отошел ко Господу и погребен в усыпальнице отцов. Спустя пять дней после этого наставник его пошел к одному пребывавшему там великому старцу и говорит ему: «Отче, брат Акакий умер». Но старец, услышав это, сказал ему: «Поверь мне, старче, я сомневаюсь в этом». «Поди и посмотри», – отвечал тот. Немедленно встав, старец приходит в усыпальницу с наставником блаженного одного подвижника, и взывает к нему как бы к живому (ибо поистине он был жив и после смерти), и говорит: «Брат Акакий, умер ли ты?» Сей же благоразумный послушник, оказывая послушание и после смерти, отвечал великому: «Отче, как можно умереть делателю послушания?» Тогда старец, который был прежде наставником Акакия, пораженный страхом, пал со слезами на землю, и потом, испросив у игумена лавры (ж) келию близ гроба Акакиева, провел там остаток жизни уже добродетельно, говоря всегда прочим отцам: «Я сделал убийство». Мне кажется, отче Иоанне, что великий старец, говоривший с умершим,

был сам сей Иоанн Савваит, ибо он рассказывал мне еще одну повесть как бы о другом подвижнике, а я после достоверно узнал, что этот подвижник был он сам.

Об Иоанне Савваите, или Антиохе

111. В той же, говорил он, азиатской обители был некто послушником у одного кроткого, тихого и безмолвного монаха, но видя, что старец как бы почитает и покоит его, он рассудил, что такое обхождение для многих бывает бедственно, потому и упросил старца отпустить его; а как старец тот имел еще другого ученика, то удаление первого не слишком было ему тягостно. Отшедши таким образом, послушник этот при помощи письма от своего настоятеля поместился в одном из общежитий, находящихся в Понте. В первую ночь по вступлении своем в сию обитель он видит во сне, что некоторые истязывают его за долг и будто по окончании сего страшного истязания он остался должен сто литр золота. Пробудившись от сна, он рассуждал о виденном и говорил сам себе: «Смиранный Антиох (это было имя его), поистине еще много остается на тебе долгу». – «Прожил я, – говорил он, – в этом общежитии три года, беспрекословно исполняя всякие послушания и будучи всеми уничижаем и оскорбляем, как пришлец (ибо, кроме меня, там не было другого чужестранного монаха). Тогда опять вижу во сне, будто некто дал мне свидетельство в уплате десяти литр моего долга. Пробудившись, я понял видение и сказал себе: «Еще десять только? Когда же я все выплачу? Бедный Антиох! Тебе нужен больший труд и большее бесчестие! С того времени начал я притворяться лишенным рассудка, впрочем, не оставлял служения; немилостивые же тамошние отцы, видя меня в таком положении и в прежнем усердии, возлагали на меня все тяжкие дела в обители. Прожив тринадцать лет в таком подвиге, я снова увидел во сне являвшихся мне прежде, будто они пришли и дали мне рукописание, которое совершенно освобождало меня от попечения о моем долге. И так, когда отцы той обители в чем-нибудь меня оскорбляли, я вспоминал мой долг и терпел мужественно». Премудрый Иоанн рассказывал мне это, отче Иоанне, как о другом человеке, для того и Антиохом себя назвал, а в самом деле он был тот подвижник, который терпением разорвал рукописание своих согрешений.

112. Но услышим, какой дар рассуждения преподобный сей приобрел крайним своим послушанием. Во время его пребывания в обители святого Саввы пришли к нему три юных инока, желая быть его учениками. Приняв их с радостью, он тотчас угостил их и старался упокоить после трудов путешествия. По прошествии трех дней сей старец сказал им: «Братия, я блудник по естеству и не могу кого-либо из вас принять к себе». Но они сим не соблазнились, потому что знали высокую жизнь старца. Когда же, всячески умоляя его, не могли его убедить, тогда поверглись к ногам его и просили, чтобы он, по крайней мере, дал им наставление, как и где им проходить монашескую жизнь. Старец согласился на это и, видя, что они со смирением и послушанием примут слова его, сказал одному из них: «Господь хочет, сын мой, чтобы ты пребывал в безмолвном месте в повиновении у духовного отца». Второму сказал: «Иди, продай волю твою, и предай ее Богу, возьми крест твой и терпи в общежитии братий, поистине будешь иметь сокровище на небесах». Наконец, говорит и третьему: «Непрестанно помни сие слово Господа: *Претерпевый до конца, той спасется* (Мф. 10: 22). Иди, и, если возможно, избери себе наставника о Господе из всех людей суровейшего и строжайшего, и, укрепившись терпением, ежедневно пей от него поругание и уничижение, как мед и молоко». Брат же сей сказал великому Иоанну: «Отче, а если он пребывает в нерадении, то что мне делать?» Старец отвечал: «Если бы ты даже увидел, что он блуд твоит, не оставляй его, но говори сам себе: «Друже, зачем ты сюда пришел?» Тогда увидишь, что возношение истребится в тебе, и похоть плотская в тебе увянет».

113. Все желающие стяжать страх Божий должны всей силой подвизаться, чтобы в сем училище добродетели вместо добродетели не приобрести лукавства и злобы, хитрости и коварства, пронырливости и гнева, ибо это случается, и не должно этому удивляться. Пока человек остается простолюдином, работником на корабле или земледельцем, против него не столь сильно и враги царя вооружаются. Когда же видят, что он взял печать царскую и щит, меч, оружие и лук и оделся в воинскую одежду (з), тогда скрежещут на него зубами и всячески покушаются убить его. Итак, дремать не должно.

114. Видел я, что незлобивые и прекрасные отроки пришли в училище для научения премудрости, для образования и получения пользы, но по причине сообщества с другими ничему там не выучились, кроме грубости и порока. Кто имеет разум, тот может понять сказанное.

115. Невозможно, чтобы прилежно обучающиеся какому-либо художеству ежедневно не успевали в нем, но одни познают это преуспеяние, а другие не примечают его по особенному распоряжению Промысла Божия. Хороший купец на всякий вечер непременно считает дневную прибыль или убыток, но сего он не может ясно узнать, если ежечасно не будет всего записывать в счетную книгу, потому что ежечасное самоиспытание ежедневно просвещает душу.

116. Безрассудный, когда его укоряют или осуждают, оскорбляется и старается противоречить или немедленно просит прощения у своего обличителя, не по смирению, но только чтобы прекратить выговор. Когда бьют тебя выговорами и укоризнами, молчи и принимай душевные прижигания или, лучше сказать, светильники чистоты. Когда же духовный врач твой перестанет тебя обличать, тогда кайся пред ним, ибо в самом действии гнева он, может быть, и не примет твоего покаяния.

117. Пребывающие в общежитии хотя и против всех страстей на всякий час должны подвизаться, но в особенности против двух: против чревонеистовства и вспыльчивости; потому что во множестве братий бывает и много поводов для сих страстей.

118. Пребывающим в послушании диавол влагает желание добродетелей, невозможных для них; подобным образом и живущим в безмолвии он советует несвойственное им. Раскрой ум неискусных послушников и найдешь там погрешительную мысль: желание безмолвия, крайнейшего поста, неразвлекаемой молитвы, совершенного нетщеславия, незабвенного памятования смерти, всегдашнего умиления, всесовершенного безгневия, глубокого молчания, чистоты превосходной. По особенному Промыслу Божию не имея сих добродетелей вначале, они безрассудно перескакивают через подлежащие им степени, будучи обольщены врагом, который побуждает их искать сих совершенств прежде времени, с тем чтобы они, не устояв в терпении, не получили их и в свое время. Напротив того, сей обольститель ублажает перед безмолвниками страннлюбие послушников, их служения, братолюбие и утешительное сопребывание в обществе, их служения больным. Намерение же льстеца сего состоит в том, чтобы и сих, подобно первым, сделать нетерпеливыми.

119. Поистине немногие могут с разумом проходить безмолвие, но те только, которые стяжали божественное утешение к поощрению в трудах и помощь в бранях.

120. По качествам страстей наших должно рассуждать, какому руководителю отдаться нам в повиновение, и сообразно с тем такого и избирать. Если ты неводержен и удобопреклонен на плотскую похоть, то да будет твоим учителем подвижник и в отношении к пище неумолимый, а не чудотворец и который готов всех примирить и угощать трапезой. Если ты высокомерен, то да будет твоим руководителем человек суровый и неуступчивый, а не кроткий и человеколюбивый. Не должно искать таких руководителей, которые бы имели дар пророчества или прозрения, но, прежде всего, истинно смиренномудрых и по нраву и местопребыванию своему приличных нашим недугам. По примеру вышепомянутого праведника Аввакира, имей и сие пособие к послушанию: помышляй всегда, что наставник тебя иску-

шает, и ты никогда не погресишь. Когда, будучи непрестанно обличаем от своего наставника, ты почувствуешь, что вера и любовь твоя к нему возрастают, то знай, что Дух Святой невидимо вселился в твою душу и сила Вышнего осенила тебя.

121. Впрочем, не радуйся и не хвались, когда ты мужественно терпишь досады и бесчестия; напротив, плачь о том, что ты сделал нечто достойное выговора и возмутил против себя душу наставника. Не ужасайся и не дивись, когда скажу тебе (ибо Моисей (и) мне о том свидетель), что лучше согрешить перед Богом, нежели перед отцом своим, потому что если мы прогневили Бога, то наставник наш может Его с нами примирить; а когда мы наставника ввели в смущение, тогда уже никого не имеем, кто бы за нас ходатайствовал. Впрочем, я думаю, что оба эти согрешения имеют одно значение.

122. Рассмотрим и рассудим со вниманием, когда должно нам благодарно и безмолвно терпеть обвинения от пастыря и когда объясняться перед ним. Мне кажется, что во всех случаях, когда бесчестие падает на одних нас, должно молчать (ибо это время духовного приобретения), а когда обвинение касается другого лица, тогда должно говорить в защиту, ради союза любви и ненарушимого мира.

123. Пользу послушания возвестят тебе те, которые отпали от него, ибо они тогда только узнали, на каком стояли небе.

124. Кто стремится к бесстрастию и к Богу, тот считает потерянным всякий день, в который его никто не укорял. Как деревья, колеблемые ветрами, глубоко в землю пускают корни, так и пребывающие в послушании стяжут крепкие и непоколебимые души.

125. Кто, живя в безмолвии, познал свою немощь и, пришедши, продал себя послушанию, тот, бывши слеп, без труда ко Христу прозрел.

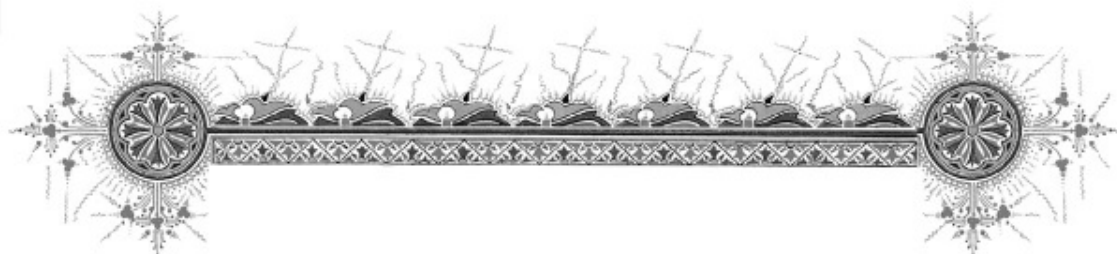
126. Мужайтесь, братия подвижники, мужайтесь, и еще скажу, мужайтесь! И не переставайте стремиться вперед, внимая к Премудрому, который говорит о вас: *Господь... яко злато в горниле, паче же в общежитии, искуси их, и яко всеплодие жертвенное прият я* (Прем. 3, 6) в недра Своя. Ему же слава и держава вечная с Отцом Безначальным и Духом Святым и поклоняемым. Аминь.

Сия степень равночислена евангелистам. Мужайся, подвижник, стремись вперед без страха. Некогда Иоанн опередил Петра, а здесь послушание положено прежде покаяния, ибо предваривший ученик представлял образ послушания, а другой – покаяния.

Слово 5

О попечительном и действительном покаянии и также о житии святых осужденников и о темнице (й)

1. Покаяние есть возобновление крещения. Покаяние есть завет с Богом об исправлении жизни. Покаяние есть купля смирения. Покаяние есть всегдашнее отвержение телесного утешения. Покаяние есть помысл самоосуждения и попечения о себе, свободное от внешних попечений. Покаяние есть дочь надежды и отвержение отчаяния. Покаяние есть примирение с Господом через совершение благих дел, противных прежним грехам. Покаяние есть очищение совести. Покаяние есть добровольное терпение всего скорбного. Кающийся есть изобретатель наказаний для себя самого. Покаяние есть крепкое утеснение чрева, уязвление души в глубоком чувстве.

2. Стекитесь, все прогневавшие Господа, и приступите; приидите и услышите, что я поведаю вам; соберитесь, и увидите, что Господь показал мне, в назидание души моей. Почтим и поместим в этом слове, прежде всего, повесть об уничиженных, но достойных уважения делателях. Все впадшие в какое-либо нечаянное согрешение, услышим, сохраним и сотворим то, что узнаем. Восстаньте и стойте, низверженные падениями. Внимайте, братья мои, сему слову моему; приклоните ухо ваше все, хотящие истинным обращением примирить Бога с собой.

3. Слышал я, немощный, о чудном некотором и необычайном состоянии и смирении осужденников, заключенных в особенной обители, называемой Темницей, которая состояла под властью помянутого светила светил. Потому, находясь еще в обители сего преподобного, я просил его, чтобы он позволил мне посетить это место, и великий муж уступил моему прошению, не хотя чем-либо опечалить мою душу.

4. Итак, пришедши в сию обитель кающихся, в сию поистине страну плачущих, увидел я то, чего поистине, если не дерзко так сказать, око нерадивого человека не видело и ухо унылого не слышало, что и на сердце ленивого не всходило, т.е. такие дела и слова, которые сильны убедить Бога, такие упражнения и подвиги, которые скоро преклоняют Его человеколюбие.

5. Видел я, что одни из сих неповинных осужденников всю ночь до самого утра стояли на открытом воздухе, не передвигая ног, и жалким образом колебались, одолеваемые сном по нужде естества; но они не давали себе ни мало покоя, а укоряли сами себя и бесчестиями и поношениями возбуждали себя.

6. Другие умиленно взирали на небо и с рыданием и воплем призывали оттуда помощь.

7. Иные стояли на молитве, связавши себе руки назад, как преступники; печальные лица их были преклонены к земле; они считали себя недостойными взирать на небо; от недостойности помыслов и от угрызения совести не знали, что сказать и как проговорить, какие

молитвы вознести к Богу, как и откуда начать моление; но только душу немотствующую и ум безгласный представляли Богу и были исполнены мрака и как бы тонкого отчаяния.

8. Другие сидели на земле во вретисе и пепле, лицо скрывали между коленями и челом ударяли о землю.

9. Иные непрестанно били себя в грудь, возывая прежнее состояние души своей и невинность своей жизни. Иные из них омочали землю слезами, а другие, не имея слез, били сами себя. Иные рыдали о душах своих, как о мертвецах, будучи не в силах переносить сердечной туги; другие же, рыдая в сердце, глас рыдания удерживали в устах, а иногда, когда уже не могли терпеть, внезапно вопияли.

10. Видел я там, что некоторые от сильной печали находились как бы в исступлении; от многого сетования были безгласны, совершенно погружены во мрак и как бы нечувствительны ко всему, касающемуся земной жизни, умом сошли в бездну смирения и огнем печали иссушили слезы в очах своих.

11. Другие сидели в задумчивости, поникши к земле и непрестанно колебля главами, подобно львам, рыкали и стонали из глубины сердца и утробы. Одни из них благонадежно просили совершенного прощения грехов и молились о сем; а иные по несказанному смирению почитали себя недостойными прощения и взывали, что они не имеют перед Богом никакого оправдания. Другие молили Господа, чтобы им здесь потерпеть мучения, а там быть помилованными; иные же, угнетаемые тяготой совести, чистосердечно просили ни подвергать их мучению, ни удостаивать Царствия: «Сего было бы для нас довольно», – говорили они.

12. Я видел там души столь уничиженные, сокрушенные и так угнетаемые тяготой греховного бремени, что они могли бы и самые камни привести в умиление своими словами и воплями к Богу. «Знаем, – говорили они, поникши к земле, – знаем, что мы по правде достойны всякого мучения и томления, ибо не можем удовлетворить за множество долгов наших, хотя бы мы и всю вселенную воззвали плакать за нас. Но о том только просим, о том умоляем и той милости ищем, *да не яростию Твоею обличиши нас, ниже гневом Твоим накажеши нас* (Пс. 6, 2), ни праведным судом Твоим мучиши нас, но с пощадением. Для нас довольно, Господи, освободиться от страшного прещения Твоего и мук безвестных и тайных; совершенного же прощения мы не смеем просить. Да и как осмелимся, когда мы обета своего не сохранили в непорочности, но осквернили его, испытавши уже Твое человеколюбие и получивши прощение согрешений?»

13. Там можно было видеть действительное исполнение слов Давидовых, видеть страждущих, сляченных *до конца* жизни своей; *весь день сетуя* ходящих; смердящих согнившими ранами тела своего (см. Пс. 37, 7) и небрегущих о врачевании оных; забывающих *снести хлеб* свой и *питие* воды с *плачем* растворяющих; прах и *пепел* вместо *хлеба* ядущих; имеющих кости прилепленные к плоти, и самих, *яко сено* иссохших (см. Пс. 101, 5–12). Ничего другого не слышно было у них, кроме сих слов: «Увы, увy! Горе мне, горе мне! Праведно, праведно! Пощади, пощади, Владыко!» Некоторые говорили: «Помилуй, помилуй», а другие же жалостнее взывали: «Прости, Владыко, прости, если возможно!»

14. У иных видны были языки, воспаленные и выпущенные из уст, как у псов. Иные томили себя зноем, иные мучили себя холодом. Некоторые, вкусивши немного воды, представляли пить, только чтобы не умереть от жажды. Другие, вкусив немного хлеба, далеко отвергали его от себя рукою, говоря, что они недостойны человеческой пищи, потому что делали свойственное скотам.

15. Где был у них какой-либо вид смеха? Где празднословие? Где раздражительность или гнев? Они даже не знали, существует ли гнев у людей, потому что плач совершенно угастил в них всякую гневливость. Где было у них прекословие, или праздник, или дерзость, или какое-нибудь угождение телу, или след тщеславия? Где надежда какого-либо наслаждения?

Или помышление о вине, или вкушение осенних плодов? Или варение пищи, или услаждение гортани? Надежда всего этого в нынешнем веке уже угасла для них. Где было у них попечение о чем-нибудь земном? Где осуждение кого-либо из человеков? Вовсе и не было.

16. Таковы были всегдашние их вещания и взывания ко Господу. Одни, ударяя себя в грудь, как бы стоя пред вратами небесными, говорили Богу: «Отверзи нам, о, Судия, отверзи нам!» Другие говорили: «*Просвети токмо лице Твое, и спасемся*» (Пс. 79, 4). Иной говорил: «*Просвети в тьме и сени смертной сядущия* (Лк. 1, 79), уничиженных», а иной: «*Скоро да предварят ны щедроты Твоя, Господи, ибо мы погибли, мы отчаялись, яко обнищавом зело*» (Пс. 78, 8). Одни говорили: «Просветит ли Господь на нас лицо Свое?» (см. Пс. 66, 2). А другие: «*Убо преиде ли душа наша воду грехов непостоянную*» (Пс. 123, 5). Иной говорил: «Умилостивится ли наконец Господь над нами? Услышим ли когда-либо глас Его к нам, *сущим во узах нерешимых, изыдите* (Ис. 49, 9), и сущим во аде покаяния: вы прощены? Вошел ли вопль наш в уши Господа?»

17. Все они непрестанно имели пред очами смерть и говорили: «Что будет с нами? Какой приговор о нас последует? Каков будет конец наш? Есть ли воззвание, есть ли прощение темным, уничиженным осужденникам? Возмогло ли моление наше взойти ко Господу? Или оно по правосудию Его отвергнуто с уничижением и посрамлением? Если же взошло, то сколько умилостивило оно Господа? Какой успех получило? Какую пользу принесло? Сколько подействовало? Ибо оно от нечистых уст и тел было воссылаемо и не имеет много крепости. Совершенно ли оно примирило Судию или только отчасти? Исцелило ли половину язв наших душевных? Ибо поистине велики сии язвы и требуют многих трудов и потов. Приблизились ли к нам хранители наши, ангелы? Или они еще далече от нас? Доколе они к нам не приблизятся, дотоле и весь труд наш бесполезен и безуспешен, ибо молитва наша не имеет ни силы дерзновения, ни крыл чистоты и не может вознестись ко Господу, если ангелы наши не приблизятся к нам и, взявши ее, не принесут ко Господу».

18. Часто повторяя сии слова, они в недоумении говорили друг другу: «Итак, братия, успеваем ли? Получаем ли просимое? Принимает ли нас Господь опять? Отверзает ли двери милосердия?» Другие отвечали на это: «*Кто весть*, как бы говорили братия наши ниневитяне, *еще раскается* Господь (Иона 3, 9) и хотя от великой оной муки не избавит ли нас? Впрочем, мы сделаем, что зависит от нашего произволения, и если Он отверзет двери Царства Небесного, то хорошо и благо, а если нет, то и тогда благословен Господь Бог, праведно затворивший их для нас. Однако будем стучаться до конца жизни нашей; может быть, по mnogой нашей неотступности Он и отверзет нам». Посему они возбуждали друг друга, говоря: «Потщимся, братия, потщимся, нам нужно тщание, и тщание сильное, потому что мы отстали от нашей доброй дружины. Потщимся, не щадя сей скверной, злострадательной плоти нашей, но умертвим ее, как и она нас умертвила».

19. Так и делали сии блаженные осужденники. У них видимы были колена, оцепеневшие от множества поклонов; глаза, померкшие и глубоко впадные; вежды, лишенные ресниц; ланиты, уязвленные и опаленные горячестью многих слез; лица, увядшие и бледные, ничем не отличавшиеся от мертвых; перси, болящие от ударов, и кровавые мокроты, извергаемые от ударений в грудь. Где там было приготовление постели? Где одежды чистые или крепкие? У всех они были разорванные, смердящие и покрытые насекомыми. Что в сравнении с ними злострадания беснующихся, или плачущих над мертвецами, или пребывающих в заточении, или осужденных за убийства? Поистине невольное мучение и томление оных ничто в сравнении с произвольным страданием сих. И молю вас, братия, не подумайте, что повествуемое мной – басни.

20. Часто они умоляли этого великого судию, т.е. пастыря своего, сего ангела между человеками, и убеждали его наложить железа и оковы на руки и на шеи их; а ноги их, как ноги преступников, заключить в колоды и не освобождать от них, пока не примет их гроб.

Но иногда они сами себя лишали и гроба. Ибо никак не могу утаить и сего истинно умиленного смирения сих блаженных и сокрушенной их любви к Богу и покаяния.

21. Когда сии добрые граждане страны покаяния отходили ко Господу, чтобы стать перед нелицеприятным судилищем, тогда видевший себя при конце жизни посредством своего предстоятеля умолял и заклинал великого авву, чтобы он не сподоблял его человеческого погребения, но, как скота, повелел бы предать тело его речным струям или выбросить в поле на съедение зверям, что нередко и исполнял сей светильник рассуждения, повелевая, чтобы их выносили без чести и лишали всякого псалмопения.

22. Но какое страшное и умиленное зрелище было при последнем их часе! Осужденники сии, видя, что кто-нибудь из них приближался к кончине, окружали его, когда он еще был в полной памяти, и с жаждой, с плачем и желанием, с весьма жалостным видом и печальным голосом, качая главами своими, спрашивали умирающего и, горя милосердием к нему, говорили: «Что, брат и осужденник? Каково тебе? Что скажешь? Достиг ли ты, чего искал с таким трудом, или нет? Отверз ли ты себе дверь милосердия или еще повинен суду? Достиг ли своей цели или нет? Получил ли какое-нибудь извещение о спасении твоём или еще нетвердую имеешь надежду? Получил ли ты свободу или еще колеблется и сомневается твой помысл? Ощутил ли ты некоторое просвещение в сердце своём или оно покрыто мраком и стыдом? Был ли внутри тебя глас глаголющий: *Се здрав еси* (Ин. 5, 14), или *Отпущаются тебе греси твои* (Мф. 5, 34)? Или слышишь такой глас: *Да возвратятся грешницы во ад* (Пс. 9, 18); еще: *Свяжите ему руце и нозе* (Мф. 22, 13); еще: *Да возмется нечестивый, да не видит славы Господни*? (Ис. 26, 10). Что скажешь нам, брат наш? Скажи нам кратко, умоляем тебя, чтобы и мы узнали, в каком будем состоянии. Ибо твое время уже окончилось, и другого уже не обрящешь вовеки». На сие некоторые из умирающих отвечали: *Благословен Господь, Иже не отстави молитву мою и милость Свою от мене* (Пс. 65, 20). Другие говорили: *Благословен Господь, Иже не даде нас в ловитву... их* (Пс. 123, 6). А иные с болезнью произносили: «*Убо преиде ли душа наша воду непостоянную духов воздушных* (Пс. 123, 5)? Говорили же так, потому что еще не имели дерзновения, но издалека усматривали то, что бывает на оном истязании. Иные же еще болезненнее отвечали и говорили: «Горе душе, не сохранившей обета своего в непорочности; в сей только час она познает, что ей уготовано».

23. Я же, видя и слыша у них все это, едва не пришел в отчаяние, зная свое нерадение и сравнивая оное с их злостраданием. И каково еще было устройство того места и жилища их! Все темно, все зловонно, все нечисто и смрадно. Оно справедливо называлось Темницей и затвором осужденных; самое видение сего места располагает к плачу и наставляет на всякий подвиг покаяния. Но что для иных неудобно и неприятно, то любезно и приятно для тех, которые ниспали из состояния добродетели и лишились духовного богатства. Ибо когда душа лишилась первого дерзновения перед Богом, потеряла надежду бесстрастия и сокрушила печать чистоты, когда она позволила похитить у себя сокровища дарований, сделалась чуждой Божественного утешения, завет Господень отвергла и угасила добрый огонь душевных слез, тогда, пронзаемая и уязвляемая воспоминанием об этом, она не только вышеописанные труды возложит на себя со всяким усердием, но и тщится благочестиво умерщвлять себя подвигами покаяния, если только в ней осталась хоть искра любви или страха Господня. Поистине таковы были сии блаженные, ибо, размышляя об этом и вспоминая высоту, с которой ниспали, они говорили: «*Помянухом дни древния, оный огонь нашей ревности*»; а иные взывали к Богу: «*Где суть милости Твоя древния, Господи, которые Ты показал душе нашей во истине Твоей? Помяни поношение и труды раб Твоих*» (Пс. 88, 50–51). Другой говорил: «*Кто мя устроит по месяцам преждних дний, в нихже мя Бог храняше, егда светяшися светильник света Его над главою сердца моего?*» (Иов. 29, 2–3).

24. Так вспоминали они свои прежние добродетели, рыдали о них, как об умерших младенцах, и говорили: «Где чистота молитвы? Где ее дерзновение? Где сладкие слезы вме-

сто горьких? Где надежда всесовершенной чистоты и очищения? Где ожидание блаженного бесстрастия? Где вера к пастырю? Где благое действие молитвы его в нас? Все это погибло, как неоявлявшееся, исчезло и, как никогда не бывшее, миновалось и прошло».

25. Произнося сии слова и проливая слезы, одни из них молились о том, чтобы впасть в беснование; другие просили Господа наказать их проказой; иные желали лишиться зрения и быть предметом всеобщей жалости; а иные просили себе расслабления, только бы не подвергнуться будущим мучениям. Я же, о друзья мои, наблюдая плач их, забывал себя самого и весь восхитился умом, не в силах будучи удерживать себя. Но обратимся к предмету слова.

26. Пробывши в Темнице тридцать дней, я, нетерпеливый, возвратился в великое общежитие к великому отцу, который, видя, что я весь изменился и как бы вне себя, узнал по своей мудрости причину моего изменения. И сказал: «Что, отче Иоанне, видел ли ты подвиги труждающихся?» Я отвечал: «Видел, отче, и удивился, и ублажил падших и плачущих паче непадших и неплачущих о себе; потому что те через падение восстали восстанием благонадежным». «Подлинно так», – сказал он. Потом чуждые лжи уста его сообщили следующее. «Назад тому десять лет, – говорил он, – я имел здесь брата, весьма ревностного и такого подвижника, что, видя его, горящего духом, трепетал и боялся за него диавольской зависти, чтобы он в быстром течении как-нибудь не преткнул о камень ногу свою, что часто бывает с поспешно ходящими». Так и случилось. В глубокий вечер он приходит ко мне, показывает обнаженную язву, требует пластыря, просит прижигания и изъясняет великое смущение духа. Но видя, что врач хочет употребить не весьма жестокое резание (потому что он достоин был милосердия), повергает себя на землю, хватается за ноги врача, орошает их обильными слезами, просит заключения в Темницу, которую ты видел: «Невозможно мне, – взывал он, – не пойти туда». Наконец он убеждает врача изменить милосердие на жестокость, что в недугующих редко и удивительно. Немедленно поспешает он к тем кающимся и делается сообщником и сострадальцем их. От любви Божией уязвленный в сердце печалью, как мечом, он в восьмой день отошел ко Господу и просил, чтобы ему не делали погребения; но я вынес его сюда и положил с отцами как достойного, потому что он после семи дней рабства в восьмой разрешился и получил свободу. Некто же достоверно узнал, что он не прежде встал от худых и скверных ног моих, как умилившись Богом. И неудивительно: потому что, восприяв в сердце веру евангельской блудницы, с таким же упованием, как и она, омочил слезами он смиренные мои ноги, а Господь сказал, что *верующему все возможно*» (Мф. 9, 23). Видел я нечистые души, которые до неистовства пылали плотской любовью, но потом обратились к покаянию, и, вкушивши вожделения, обратили вожделение свое ко Господу, и, миновавши всякий страх, ненасытной любовью прилепились к Богу. Посему и Господь о целомудренной оной блуднице не сказал, что она убоялась, но что возлюбила много (см. Лк. 7, 47) и удобно возмогла любовью отразить любовь.

27. Знаю, досточудные, что рассказанные мной подвиги блаженных оных страдальцев для одних покажутся невероятными, для других – превосходящими надежду, а для иных – приводящими в отчаяние. Но мужественный муж, от сего уязвленный, как острием, отходит с огненной стрелой и ревностью в сердце. Низший же сего познает свою немощь и, чрез самоукорение удобно стяжав смиренномудрие, устремится вслед за первым, но не знаю, достигнет ли его. Нерадивый же пусть и не касается того, что здесь описано, чтобы ему, отчаявшись, не расточить и того, что делает; и тогда сбудется на нем евангельское слово: *От неимуцаго же усердия, и еже мнится имея возмется от него* (Мф. 25, 29).

28. Когда мы впали в ров беззаконий, то не можем выйти из него, если не погрузимся в бездну смирения кающихся.

29. Иное есть смирение кающихся, исполненное сетования; иное – зазрение совести еще согрешающих; и иное – блаженное и богатое смирение, которое особенным Божиим действием вселяется в совершенных. Не станем усиливаться объяснить словами сие третье

смирение, ибо труд наш будет суетен. Признак же второго состоит в совершенном терпении бесчестий. Часто старые привычки мучительным образом обладают и теми, которые оплакивают грехи свои, и сие неудивительно. Слово о судьбах и падениях темно для нас, и никакой ум не постигает, какие грехопадения случаются с нами от нерадения, какие попусшением Промысла и какие по оставлению Божию. Впрочем, некто сказал мне, что, если мы падаем в грех по попусшению Божию, то вскоре и восстаем, и отвращаемся от греха; ибо Попустивший не позволяет, чтобы мы долго были одержимы бесом печали. Если мы пали, то, прежде всего, против этого беса да ополчимся; ибо он, представ во время молитвы нашей и воспоминаемая нам прежние наше дерзновение к Богу, хочет отторгнуть нас от молитвы.

30. Не ужасайся, если и каждый день падаешь, и не отступай от пути Божия, но стой мужественно и, без сомнения, ангел, который хранит тебя, почтит твоё терпение. Когда язва еще нова и горяча, тогда удобно исцеляется; но застарелые, оставленные в небрежении и запущенные раны неудобно исцеляются, ибо для врачевания своего требуют уже многого труда, резания и прижигания. Многие раны от закоснения делаются неисцелимыми, но у Бога *вся возможна* (Мф. 19, 26).

31. Прежде падения нашего бесы представляют нам Бога человеколюбивым, а после падения – жестоким.

32. В падении твоём не покоряйся говорящему о малых согрешениях: «О, дабы тебе того не делать, а сие ничто». Часто и малые дары великую ярость судии утоляли (к).

33. Кто истинно подвизается о своём спасении, тот всякий день, в который не оплакивает грехов своих, почитает потерянным, хотя бы и совершил в оный какие-нибудь добрые дела.

34. Никто из плачущих о грехах своих не должен ожидать, что при исходе из сей жизни получит извещение о прощении. Неизвестное не достоверно. *Ослаби ми* извещением, *да почию, прежде даже не отыду* (Пс. 38, 14) отсюда без извещения (л). Где Дух Господень, там разрешаются узы (см. 2 Кор. 3, 17), где смирение глубочайшее, и там разрешаются узы; а неимеющий ни того, ни другого пусть не обольщает себя, ибо он связан.

35. В мире (и по духу мира) живущие чужды сих извещений, и наипаче первого. Некоторые, впрочем, творящие милостыни, познают своё приобретение при исходе из сего мира.

36. Кто плачет о себе, тот не видит, плачет ли другой и пал ли он, и не станет судить других. Пес, угрызенный зверем, еще более на него разъяряется и от боли, которую чувствует в ране, неотступно на него лает.

37. Должно внимать себе, не перестала ли совесть наша обличать нас, не ради чистоты нашей, но как бы утомившись. Признак разрешения от грехов состоит в том, что человек всегда почитает себя должником перед Богом.

38. Нет ничего равного милости Божией, нет ничего больше ее. Посему отчаявающийся сам себя губит. Признак прилежного покаяния заключается в том, что человек почитает себя достойным всех случающихся ему видимых и невидимых скорбей и еще больших. Моисей, после того как видел Бога в купине, снова возвратился в Египет, или в омрачение к деланию кирпичей, может быть, мысленного Фараона; но потом он опять восшел к купине, – и не только к купине, но и на гору боговидения. Кто понимает сию притчу, тот никогда не откается. В нищету пришел великий Иов, но потом опять вдвойне обогатился.

39. Тяжки бывают падения для ленивых, по вступлении их в иночество: они отнимают у них всякую надежду бесстрастия и заставляют их думать, что и одно восстание из пропасти довольно к блаженству. Помни, что отнюдь не тем путем, которым заблудили, возвращаемся, но другим кратчайшим (м).

40. Я видел двух, одинаковым образом и в одно время идущих ко Господу; один из них был стар и превосходил трудами; а другой – ученик, но *тече скорее* старца и *прииде прежде ко гробу* смирения (см. Ин. 20, 4).

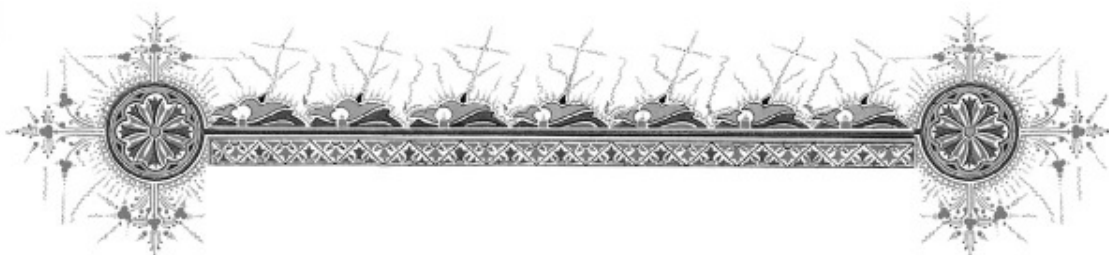
41. Все, а в особенности падшие, должны беречься, чтобы не допустить в сердце свое недуг безбожного Оригена; ибо скверное его учение, внушая о Божием человеколюбии, весьма приятно людям сластолюбивым (н).

42. В поучении моем, паче же в покаянии моем *разгорится огонь* (Пс. 38, 4) молитвы, пожигающий вещество (греха). Образом, примером, правилом и образцом покаяния да будут тебе прежде помянутые святые осужденники; и ты во всю жизнь не будешь иметь нужды ни в какой книге, доколе не воссияет тебе Христос, Сын Божий и Бог, в воскресении истинного покаяния. Аминь.

На пятую степень восшел ты, покаявшийся, покаянием пять чувств очистил и произвольным томлением и мучением ты избежал невольного.

Слово 6 О памяти смерти

1. Всякому слову предшествует помышление, память же смерти и согрешений предшествует плачу и рыданию; посему о ней по порядку и предлагается в сем слове.

2. Память смерти есть повседневная смерть, и память исхода из сей жизни есть повсечасное стенание.

3. Боязнь смерти есть свойство человеческого естества, происшедшее от преслушания, а трепет от памяти смертной есть признак нераскаянных согрешений. Бойся Христос смерти, но не трепещет, чтобы ясно показать свойства двух естеств (о).

4. Как хлеб нужнее всякой другой пищи, так и помышление о смерти нужнее всяких других деланий. Память смерти побуждает живущих в общежитии к трудам и постоянным подвигам покаяния и к благодушному перенесению бесчестий. В живущих же в безмолвии память смерти производит отложение попечений, непрестанную молитву и хранение ума. Впрочем, сии же самые добродетели суть и матери, и дочери смертной памяти.

5. Как олово отличается от серебра, хотя и подобно ему по виду, так и различие между естественным и противоестественным страхом смерти для рассудительных ясно и очевидно.

6. Истинный признак того, что человек помнит смерть в чувстве сердца, есть добровольное беспристрастие ко всякой твари и совершенное оставление своей воли.

7. Тот, без сомнения, благоискусен, кто ежедневно ожидает смерти; а тот свят, кто желает ее на всякий час.

8. Не всякое желание смерти достойно одобрения. Некоторые люди, насилием привычки увлекаемые в согрешения, желают смерти по чувству смирения; другие не хотят покаяться и призывают смерть из отчаяния; иные же не боятся ее потому, что в превозношении своем почитают себя бесстрастными; а бывают и такие (если только в нынешнее время найдутся), которые по действию Духа Святого желают своего исшествия отсюда.

9. Некоторые испытывают и недоумевают, почему Бог не даровал нам предведения смерти, если воспоминание о ней столь благотворно для нас? Эти люди не знают, что Бог чудным образом устраивает через это наше спасение. Ибо никто, задолго предузнавши время своей смерти, не спешил бы принять крещение или вступить в монашество, но каждый проводил бы всю жизнь свою в беззакониях и на самом уже исходе из сего мира приходил бы к крещению или в покаяние (но от долговременного навыка грех делался бы в человеке второй природой, и он оставался бы совершенно без исправления)²⁶.

10. Когда оплакиваешь грехи свои, никогда не слушайся оногo пса, который внушает тебе, что Бог человеколюбив, ибо он делает это с тем намерением, чтобы отторгнуть тебя от плача и от бесстрашного страха. Мысль же о милосердии Божиим принимай тогда только, когда видишь, что низвлекаешься во глубину отчаяния.

²⁶ Дополнено по греческой рукописи.

11. Кто хочет непрестанно сохранять в душе своей память смерти и суда Божия, а между тем предается попечениям и молвам житейским, тот подобен хотящему плавать и в то же время плескать руками.

12. Живая память смерти пресекает невоздержание в пище, а когда сие пресечено со смирением, то вместе отсекаются и другие страсти.

13. Безболезненность сердца ослепляет ум, а множество брашен иссушает источники слез. Жажда и бдение стесняет сердце, а когда сердце стесняется, тогда произникают слезные воды. Сказанное мной для угождающих чреву покажется жестоким, а для ленивых невероятным, но деятельный муж на деле усердно испытает сие. Кто узнал сие опытом, тот возрадуется о сем; а кто еще ищет, тот не обойдется без печали.

14. Как отцы утверждают, что совершенная любовь не подвержена падению, так и я утверждаю, что совершенное чувство смерти свободно от страха.

15. Деятельный ум имеет многие делания: поучается любви к Богу в памяти смертной, в памяти Божией, Царствия Небесного, ревности святых мучеников, вездеприсутствия Самого Бога, по слову псалмопевца: *Предзрех Господа предо мною выну* (Пс. 15, 8), в памяти святых и умных сил, в памяти об исходе души, об истязании, мучении и вечном осуждении. Мы начали здесь с великих вещей, а кончили такими, которые удерживают от падения.

16. Некогда один египетский инок рассказал мне следующее. «Когда память смерти, – говорил он, – утвердилась в чувстве моего сердца, и я однажды, когда пришла потребность, захотел дать малое утешение сему бrenному телу, то память смерти, как некий судия, возбранила мне это, и, что еще удивительнее, хотя я и желал ее отринуть, но не мог».

17. Другой некто, живший близ нас в месте, называемом Фола, часто от помышления о смерти приходил в исступление и, как лишившийся чувств или пораженный падучей болезнью, относим был находившимися при нем братьями почти бездыханный.

18. Не премину сообщить тебе повесть и об Исихии, иноке горы Хорива (п). Он вел прежде самую нерадивую жизнь и нисколько не заботился о душе своей; наконец, впадши в смертельную болезнь, с час времени казался совершенно умершим. Пришедши в себя, он умолял всех нас, чтобы тотчас же от него удалились, и, заключив дверь своей келии, прожил в ней лет двенадцать, никому никогда не сказав ни малого, ни великого слова и ничего не вкушая, кроме хлеба и воды; но сидя в затворе, как перед лицом Господним, ужасался и сетовал о том, что видел во время исступления и никогда не изменял образа жизни своей, но постоянно был как бы вне себя и не переставал тихо проливать теплые слезы. Когда же он приблизился к смерти, мы, отбив дверь, вошли в его келию и по многом прошении услышали только сии слова: «Простите, – сказал он, – кто стяжал память смерти, тот никогда не может согрешить». Мы изумились, видя, что в том, который был прежде столько нерадив, внезапно произошло такое блаженное изменение и преображение. Похоронивши его в усыпальнице близ ограды, мы по прошествии некоторого времени искали святых мощей его, но не могли найти. Господь и сим засвидетельствовал усердное и достохвальное покаяние Исихия и удостоверял нас, что Он приемлет и тех, которые и после многого нерадения хотят исправиться.

19. Как бездну некоторые представляют себе бесконечной и место оное называют бездонным, так и помышление о смерти рождает чистоту нерастлеваемую и делание бесконечное. Сие подтверждает преподобный отец, о котором мы теперь говорили. Подобные ему непрестанно переходят от страха к страху, пока и самая в костях содержащаяся сила не истощится.

20. Должно знать, что память смертная, как и все другие блага, есть дар Божий, ибо часто, находясь и у самых гробов, мы пребываем без слез и в ожесточении, а в другое время, и не имея такого печального зрелища перед глазами, приходим в умиление.

21. Кто умертвил себя для всего в мире, тот истинно помнит смерть, а кто еще имеет какое-либо пристрастие, тот не может свободно упражняться в помышлении о смерти, будучи сам себе наветник.

22. Не желай словами уверять всех в твоём расположении к ним, а лучше проси Бога, чтобы Он открыл им любовь твою неведомым образом; иначе не достанет тебе времени на изъявление любви к ближним и на умиление.

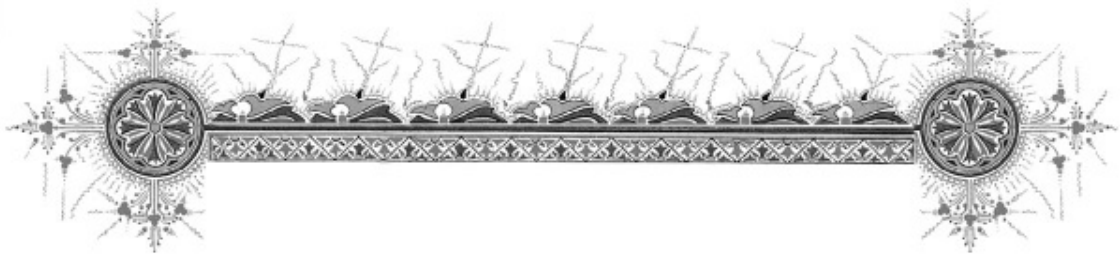
23. Не прельщайся, безумный подвижник, думая, что можешь одно время вознаградить другим, ибо всякий день и к совершенной уплате собственного своего долга Владыке недостаточен.

24. «Невозможное, — как некто сказал, — невозможное для человеков дело, чтобы настоящий день провели мы благочестиво, если не думаем, что это последний день нашей жизни». И поистине удивительно, что и язычники изрекли нечто подобное этому, ибо и они полагали, что любомудрие заключается в помышлении о смерти.

Шестая степень: кто взошел на нее, тот во веки не согрешит. *Поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши* (Сир. 7, 39).

Слово 7 О радостотворном плаче

1. Плач по Богу есть сетование души, такое расположение болезненного сердца, которое с иступлением ищет того, чего оно жаждет, и, не находя его, с трудом за ним стремится и горько рыдает вслед его. Или иначе: плач есть златое жало, уязвлением своим обнажающее душу от всякой земной любви и пристрастия и в назирании сердца святой печалью водруженное.

2. Умиление есть непрестанное мучение совести, которое прохлаждает сердечный огонь мысленной исповедью пред Богом. Исповедь есть забвение естества, как некто *забых снести хлеб свой* (Пс. 101, 5).

3. Покаяние есть бескорбное отвержение всякого утешения телесного.

4. Свойство преуспевающих еще в блаженном плаче есть воздержание и молчание уст, преуспевших – безгневие и непамятозлобие, а совершенных – смиренномудрие, жажда бесчестий, произвольная алчба невольных скорбей, неосуждение согрешающих, милосердие превыше силы. Достойны одобрения первые, достохвальны вторые, но блаженны алчущие скорби и жаждущие бесчестий, ибо они насытятся пищею ненасыщаемую.

5. Достигши плача, всей силой храни его, ибо прежде совершенного усвоения он весьма легко теряется, и как воск тает от огня, так и он легко истребляется от молвы, попечений телесных и наслаждения, в особенности же от многословия и смехотворства.

6. Источник слез после крещения больше крещения, хотя сии слова и кажутся несколько дерзкими. Ибо крещение очищает нас от прежде бывших зол, а слезы очищают грехи, сделанные и после крещения. Крещение приняв в младенчестве, мы все осквернили его, а слезами снова очищаем его. И если бы человеколюбие Божие не даровало нам оных, то поистине редки были бы и едва обретались бы спасающиеся.

7. Воздыхания наши и сетования вопиют ко Господу; слезы, происходящие от страха, ходатайствуют о нас; а те, которые от всесвятой любви, являют нам, что моление наше принято.

8. Если ничто так не согласно со смиренномудрием, как плач, то, без сомнения, ничто столько не противится ему, как смех.

9. С усилием держи блаженную радостную печаль святого умиления и не переставай упражняться в сем делании, пока оно не поставит тебя выше всего земного и не представит чистым Христу.

10. Не переставай воображать и вспоминать бездну темного огня, немилостивых служителей, Судию немилосердного и неумолимого, бесконечную глубину преисподнего пламени и тесные сходы в подземные места, ужасные пропасти и другое сему подобное, чтобы гнездящаяся в душе нашей похотливость истребилась великим страхом и душа соединилась с нетленной чистотой, и приняла в себя сияние невещественного света, блистающего паче всякого огня.

11. На молитве стой с трепетом, как осужденный преступник стоит перед судьей, чтобы тебе и внешним видом, и внутренним устройством угасить гнев Праведного Судии, ибо Он не может презреть душу-вдовицу, предстоящую Ему с болезненным чувством и утруждающую Неутруждаемого.

12. Кто приобрел душевные слезы, тому всякое место угодно к плачу, а у кого делание только внешнее, тому всегда надобно будет избирать приличные места и положения. Как скрытое сокровище не столько подвержено хищению, сколько лежащее на торжище, так должно разуметь и о вышесказанном.

13. Не подражай погребавшим мертвых, которые то плачут по ним, то ради их упиваются; но будь подобен узникам в рудокопнях, ежечасно получающим удары от приставников.

14. Кто иногда плачет, а иногда наслаждается и говорит смешное, тот вместо камней бросает хлебом на пса сластолюбия; по-видимому он отгоняет его, но самым делом привлекает его к себе.

15. Сетуй внутренне, но не выказываясь, а углубляясь в сердце свое, ибо бесы боятся сетования, как тати псов.

16. Не на брачный пир, о друзья, не на брачный пир мы приглашены, но Призвавший нас сюда поистине призвал на плач о самих себе.

17. Некоторые, когда плачут, безвременно понуждают себя в это блаженное время не иметь совершенно никакого помышления, не разумея того, что слезы без помышлений свойственны бессловесному естеству, а не разумному. Слеза есть порождение помышлений, а отец помышлений есть смысл и разум.

18. Ложась на постель, воображай твоё возлежание во гробе, и будешь меньше спать. Когда сидишь за столом, приводи себе на память плачевную трапезу червей, и ты будешь меньше наслаждаться. Когда пьешь воду, не забывай о жажде в пламени неугасающем, и, без сомнения, понудишь самое свое естество.

19. При досточестном бесчестии, досаждении и выговоре от настоятеля представим себе страшный приговор одного Судии, и всеваемую в нас безрассудную печаль и огорчение, без сомнения, посечем кротостью и терпением, как обоюдоострым мечом.

20. *Временем оскудевает море* (Иов. 14, 11), – говорит Иов, временем и терпением мало-помалу снискиваются нам и приходят в совершенство добродетели, о которых говорим.

21. Воспоминание о вечном огне каждый вечер да засыпает с тобой и вместе с тобой да восстает – и леньность никогда не будет обладать тобой во время псалмопения.

22. Да возбуждает тебя к деланию плача самая одежда твоя, ибо все оплакивающие умерших одеваются в черное. Если ты не имеешь плача, то плачь об этом самом; если же имеешь плач, то еще более плачь о том, что из беструдного состояния ты сам низвел себя согрешениями твоими в состояние труда и печали.

23. Благий и праведный наш Судия как во всем, так, без сомнения, и в плаче судит по мере сил естества, ибо я видел, что иные источают малые слезные капли, как капли крови, а другие без труда проливают целые источники слез. Но я судил о труждающихся более по труду, а не по слезам. Думая, что и Бог так же судит.

24. Плачущим неприлично богословствовать, ибо этим истребляются их слезы. Богословствующий подобен сидящему на учительской кафедре, а плачущий – пребывающему на гноище и во вретище. По сей-то причине, как думаю, и Давид, хотя был учитель и муж премудрый, но когда плакал, отвечал вопрошавшим: *Како воспою песнь Господню на земли чуждей* (Пс. 136, 4), т.е. в страстном состоянии?

25. Как во внешнем творении, так и в умилении есть самодвижное и есть движимое от иного чего-либо. Когда душа и без нашего страдания и попечения бывает склонна к слезам, мягка и проникнута умилением, тогда поспешим, ибо Господь пришел к нам и без нашего

зова и дал нам губу боголюбезной печали и прохладную воду благочестивых слез, на изглаждение рукописания согрешений. Храни сей плач, как зеницу ока, пока он мало-помалу от тебя не отойдет, ибо велика сила оногo. И далеко превосходит силу того плача, который приходит от нашего тщания и умышления.

26. Не тот достиг совершенства плача, кто плачет, когда хочет, но кто плачет, о чем хочет (т.е. о чем-либо душеполезном). Даже и тот еще не достиг совершенства плача, кто плачет, о чем хочет, но кто плачет, как Бог хочет. С богоугодным плачем часто сплетается гнуснейшая²⁷ слеза тщеславия, и сие на опыте благочестно узнаем, когда увидим, что мы плачем и предаемся гневливости.

27. Истинное умиление есть болезнование души, которая не возносится и не дает себе никакого утешения, но ежечасно воображает только исход свой из сего мира. И от Бога, утешающего смиренных иноков, ожидает утешения, как прохладной воды.

28. Стяжавшие плач в чувстве сердца возненавидели самую жизнь свою (как исполненную труда и причину слез и болезней²⁸); тела же своего отвращаются, как врага.

29. Если мы в тех, которые думают, что плачут по Богу, видим гнев и гордость, то слезы таковых должны считать неправильными: *Кое бо общение свету ко тьме?* (2 Кор. 6, 14)

30. От ложного умиления рождается возношение, а от истинного – утешение.

31. Как огонь пожигает хворост, так и чистые слезы истребляют всякие внешние и внутренние скверны.

32. Многие из отцов говорят, что значение слез, особенно у новоначальных, темно и неудобопостижимо и что они происходят от многих и различных причин: от естества, от Бога, от неправильной скорби и от скорби истинной, от тщеславия, от блудной страсти, от любви, от памяти смерти и от многих других побуждений (р).

33. Исследовав все сии побуждения слез посредством страха Божия, постараемся приобрести те чистые и нелестные слезы, которые рождаются от размышления о разлучении нашем от тела, ибо в них нет ни окрадения, ни возношения, но очищение, преуспевание в любви к Богу, омовение от грехов и освобождение от страстей.

34. Неудивительно начинать плач слезами добрыми, а оканчивать неправильными, но достойно похвалы от неправильных или естественных слез переходить к духовному плачу. Смысл сказанного ясен для тех, которые склонны к тщеславию.

35. Не верь слезам твоим прежде совершенного очищения от страстей, ибо то вино еще не надежно, которое прямо из точила заключено в сосуд.

36. Никто не может противоречить тому, что полезны все слезы наши по Богу, но какая именно польза от них бывает, это мы узнаем во время своего исхода.

37. Кто пребывает во всегдашнем плаче по Богу, тот не перестает ежедневно (духовно) праздновать, а кто всегда празднует телесно, того ожидает вечный плач.

38. Нет радости для осужденных в темнице, нет праздника на земле и для истинных монахов. Посему-то сладко плачущий пророк и говорит со стенанием: *Изведи из темницы душу мою* (Пс. 141,

8) в радость неизреченного Твоего света.

39. Будь как царь в сердце твоём, сидя на высоком престоле смирения, и повелевай смеху: *иди, и идет*; и плачу сладкому: *прииди, и приходит*; и телу, сему рабу и мучителю нашему: *сотвори сие, и сотворит* (Мф. 8, 9).

40. Кто облекся в блаженный, благодатный плач, как в брачную одежду, тот познал духовный смех души (т.е. радость).

²⁷ В греческом переводе: «безблагодатнейшая».

²⁸ Дополнено по греческой рукописи.

41. Есть ли такой инок, который бы все время свое в монашестве провел столь благочестиво, что ни дня, ни часа, ни мгновения никогда не потерял, но все время свое посвящал Господу, помышляя, что невозможно в сей жизни увидеть дважды один и тот же день?

42. Блажен инок, могущий взирать очами души на умные силы; но тот поистине предохранен от падения, который вследствие памятования смерти и грехов своих всегда орошает ланиты свои живыми водами чувственных очей. И трудно мне поверить, чтобы первое устройство могло произойти (и быть твердым) без последнего.

43. Видал я просителей и бесстыдных нищих, красноречивыми словами вскоре преклонявших сердца и самих царей на милость; и видал я нищих и скудных в добродетели, которые не красноречивыми, но смиренными, неясными и недоумения исполненными словами из глубины безнадежного сердца бесстыдно и неотступно зывали к Царю Небесному и как бы насильно исторгали милость у Того, Которого естество не подвержено никакому понуждению.

44. Кто слезами своими внутренно гордится и осуждает в уме своем неплачущих, тот подобен испросившему у царя оружие на врага своего и убивающему им самого себя.

45. Бог не требует, братия, и не желает, чтобы человек плакал от болезни сердца, но чтобы от любви к Нему радовался душевным *смахом*. Отыми грех, и излишни будут болезненные слезы чувственным очам, ибо когда нет раны, то не нужен и пластырь. У Адама прежде преступления не было слез, как не будет их и по воскресении, когда грех упразднится, ибо тогда отбежит *болезнь, печаль и воздыхание* (Ис. 35, 10).

46. Видал я в некоторых плач и видел других, которые плакали о том, что не имели плача. Сии последние, хотя и имеют плач, думают, что одного не имеют, и добрым неведением своим сохраняются от окрадения. О них-то сказано: *Господь умудряет слепцы* (Пс. 145, 8).

47. Часто случается, что и слезы надмевают легкомысленных, потому они и не даются некоторым. Таковые, стараясь снискать и не находя их, окаявают себя, осуждают и мучат себя воздыханиями и сетованием, печалью души, глубоким сокрушением и недоумением. Все сие безопасно заменяет для них слезы, хотя они ко благу своему вменяют это ни во что.

48. Если будем наблюдать, то найдем, что бесы часто горько над нами насмехаются. Ибо когда мы насытились, они возбуждают в нас умиление; когда же постимся, ожесточают нас, чтобы мы, прельстившись ложными слезами, предались наслаждению – матери страстей. Но им не должно покоряться, а делать противное.

49. Размышляя о свойстве умиления, изумляюсь тому, каким образом плач и так называемая печаль заключают в себе радость и веселие, как мед заключается в соте. Чему же из сего научаемся? Тому, что такое умиление есть поистине дар Господень. Нет тогда в душе бессладостной²⁹ сладости, потому что Бог утешает сокрушенных сердцем сокровенным образом. Для показания силы истинного плача и от сокрушения истекающей пользы выслушаем следующую душеполезную и трогательную повесть.

50. Жил здесь некто Стефан, который, любя пустынное и безмолвное житие, многие лета провел в монашеских подвигах и просиял различными добродетелями, в особенности же украшен был постом и слезами. Он имел прежде келию на скате святой горы, где жил некогда св. пророк и боговидец Илия. Но потом сей достохвальный муж принял намерение действительнейшего, суровейшего и строжайшего покаяния, и удалился в местопребывание отшельников, называемое Сиддин, и там провел несколько лет самой строгой и суровой жизни: ибо то место лишено было всякого утешения и удалено было от всякого пути человеческого, так как находилось в расстоянии семидесяти поприщ от селений. Перед кончиной своей старец возвратился в келию свою на святой горе, где имел и двух учеников из Палестины, весьма благоговейных, которые охраняли келию старца в его отсутствие. Прожив там

²⁹ У Афанасия Критского: «плотской».

немного дней, старец впал в болезнь и скончался. За день же до кончины своей он пришел в иступление и с открытыми глазами озирался то на правую, то на левую сторону постели своей, и, как бы истязуемый кем-нибудь, он вслух всех предстоявших говорил иногда так: «Да, действительно, это правда; но я постился за это столько-то лет»; а иногда: «Нет, я не делал этого, вы лжете»; потом опять говорил: «Так, истинно так, но я плакал и служил братьям»; иногда же возражал: «Нет, вы клевете на меня». На иное же отвечал: «Так, действительно так, и не знаю, что сказать на сие; но у Бога есть милость». Поистине страшное и трепетное зрелище было сие невидимое и немилостивое истязание; и что всего ужаснее, его обвиняли и в том, чего он и не делал. Увы! Безмолвник и отшельник говорил о некоторых из своих согрешений: «Не знаю, что и сказать на это»; хотя он около сорока лет провел в монашестве и имел дарование слез. Увы мне! Увы мне! Где было тогда слово Иезекииелево, чтобы сказать истязателям: *В чем застану, в том и сужу, глаголет Бог* (Иез. 33, 13, 16)? Ничего такого не мог он сказать. А почему? Слава Единому Ведающему. Некоторые же, как перед Господом, говорили мне, что он (Стефан) и леопарда кормил из рук своих в пустыне. В продолжение сего истязания душа его разлучилась с телом, и неизвестно осталось, какое было решение и окончание сего суда и какой приговор последовал.

51. Как вдова, лишившаяся мужа и имеющая единокровного сына, в нем одном по Боге имеет утешение, так и для падшей души нет иного утешения при исходе из тела, кроме трудов поста и слез (покаяния).

52. Плачущие не воспоют и не воскликнут в песнях, ибо сим истребляется плач. Если же ты этими средствами стараешься призывать его, то ты далеко еще от сего делания, ибо плач есть укоренившаяся от навыка скорбь души, имеющей в себе огонь (Божественный).

53. Плач бывает у многих предтеч блаженного бесстрастия, предукрасив, предпочистив душу и потребив вещество (т.е. страсти).

54. Один искусный делатель сего добра сказывал мне: «Когда я чувствовал стремление к тщеславию, или ко гневу, или к насыщению чрева, тогда помышление о плаче внутренне обличало меня и говорило: «Не предавайся тщеславию, иначе я оставлю тебя». Подобным образом удерживало оно меня и от других страстей. А я говорил ему: «Никогда не преслушаю тебя, пока не представишь меня Христу».

55. Итак, в бездне плача находится утешение и чистота сердца получает просвещение. Просвещение же есть неизреченное действие, неведомым образом понимаемое и невидимо зримое. Утешение есть прохлаждение болезнующей души, которая, как младенец, и плачет внутренне, и вместе радостно улыбается. Заступление есть обновление души, погруженной в печаль, которое чудным образом превращает болезненные слезы в сладостные.

56. Слезы об исходе из сей жизни рождают страх, а когда страх породит безбоязненность (т.е. упование), тогда воссияет радость; когда же достигнет конца радость нескончаемая, прозябает цвет святой любви.

57. Рукой смирения отвергай приходящую радость, как недостойный ее, чтобы не обольститься ею и не принять волка вместо пастыря.

58. Не стремись к видению не во время видения. Пусть лучше само оно, привлеченное красотой твоего смирения, придет к тебе, обнимет тебя и соединится с тобой чистейшим браком на веки веков.

59. С самого начала, когда младенец начнет познавать отца своего, он весь бывает исполнен радости и печали: радости, потому что опять зрит возжеленного, а печали, потому что столь долгое время лишен был видения любезнейшей ему красоты. Мать также иногда скрывает себя от младенца и, видя, с какой скорбью он ищет ее, веселится; и таким образом учит его всегда прилепляться к ней и сильнее воспламеняет любовь его к себе. *Имеяй уши слышати да слышит* (Мф. 13, 9), – глаголет Господь (с).

60. Осужденный преступник, который выслушал смертный приговор, не будет уже заботиться об учреждении зрелищ, и истинно плачущий не обратится ни к наслаждениям чувственным, ни к славе, ни к гневу и вспыльчивости. Плач есть укоренившаяся скорбь кающейся души, которая на всякий день прилагает скорбь к скорби, по подобию рождающей и страждущей жены.

61. Праведен и преподобен Господь: безмолвствующему с рассуждением Он премудро дарует умиление и благоразумно повинующегося ежедневно веселит. А кто ни того, ни другого пути не проходит законным образом, тому плач не дается.

62. Отгоняй (адского) пса, который приходит во время глубочайшего плача и представляет тебе Бога неумолимым и немилосердным. Наблюдая за ним, ты увидишь, что он же, прежде грехопадения, называет Бога человеколюбивым, милосердным и снисходительным.

63. От всегдашнего упражнения рождается навык, навык обращается в чувство, а что делается в чувстве, то бывает неудобоотъемлемо.

64. Хотя бы мы и великие подвиги проходили в жизни нашей, но если мы не приобрели болезнующего сердца, то все они притворны и суетны, ибо тем, которые, так сказать, после омовения осквернились, необходимо, поистине необходимо очистить руки свои неослабным огнем сердечным и елеем милости Божией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.